ФАНТАСТИКА

2003

Выпуск 1

Павел Амнуэль

Олег Дивов

Леонид Каганов

Алексей Калугин

Владимир Михайлов

Екатерина Некрасова

Александр Тюрин

И другие...

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Гусев
  - Пролог
  - Эпилог

Владимир Гусев
ЗАПИСКИ СЕРВЕРА
Маленькая повесть с прологом и эпилогом

Посвящается Александру Ивановичу Нащёкину

Пролог

Недавно я получил от своего знакомого, Кости Чижова, небольшую бандероль. Вскрыв ее, я обнаружил только общую тетрадь с фотографией группы «Энигма» на обложке. Ни письма, ни записки…

Удивился я этому несказанно. Мы ведь с Костей едва знакомы. Ну, трудились когда-то в одном НИИ, но в разных отделах и по работе практически не соприкасались. Потом я начал писать фантастику, из института уволился и настолько отдалился от прежней жизни, что, получив бандероль, Чижова и вспомнил-то с трудом.

Руководствуясь принципом «все налитое должно быть выпито, а все написанное — прочитанным», я открыл тетрадь, надеясь, что на одной из ее страниц найдется объяснение, почему именно мне Чижик прислал свои «Записки сервера». И вот что я прочитал…

* * *

Мой приятель, Толик Гордеев — человек по-своему интересный и по-своему уникальный. Конечно, я понимаю, уникальным по-чужому быть нельзя, иначе какая же это уникальность? Но все равно, одно дело собирать марки или, допустим, коллекционировать фотографии баб, с которыми переспал, — это каждый дурак может — и совсем другое оклеивать туалет квартиры патентами на собственные изобретения. Впрочем, ни одно из них Гордееву внедрить не удалось, и когда в нашем НИИ зарплата конструктора первой категории достигла абсолютного минимума, 12 баксов в месяц, он оформил отпуск за свой счет и начал — чтобы вы думали? — продавать платьица для кукол Барби. Жена шила, дочь ей помогала, а он торговал. И, надо сказать, довольно успешно. Во всяком случае, денег ему хватало, чтобы апгрейдить свой домашний комп не реже раза в год. А уж владел он им виртуозно, даром что по образованию конструктор. Это я понял, еще когда в том же НИИ работал и Гордеев ведущим конструктором по моей теме был. Он тогда на самом что ни на есть примитивном Бэйсике написал коротенькую, но очень эффективную программку, которая могла бы сэкономить нам кучу времени на следующем этапе работ. Но финансирование, естественно, обрезали, тему прикрыли и никакого следующего этапа не было.

Впрочем, компьютер у Гордеева не простаивал. Он его приспособил, например, для того чтобы неповторяющиеся узоры для бисерных ожерелий, входящих в комплект платьев этих самых Барби, разрабатывать.

Я из НИИ тоже ушел, сменил пару работ и прибился к одному компьютерному журналу — им надо было статьи с английского регулярно переводить. Переводами я подрабатывал еще когда работал в НИИ, так что чувствовал себя на новом месте довольно уверенно. Платили не бог весть сколько, но зато мне не приходилось никого обманывать, кидать или разбираться по понятиям с братками — я к этому так и не смог привыкнуть, ни за время перестройки, ни в эпоху прихватизации, ни в период олигархов.

Гордей, судя по всему, тоже остался мельчайшим предпринимателем. Во всяком случае, когда я его встретил на Андреевском спуске, он все так же продавал платьица. Правда, теперь к ним добавились еще и водяные ракеты.

— Смотри, какая замечательная конструкция получилась! — объяснял мне Гордей. — Пластиковая бутылка выдерживает до восьми атмосфер. Ракета у меня двухступенчатая. Первая бутылка соединена трубочкой со второй, причем так, что…

Я в конструировании никогда не был силен и нить рассуждений утерял очень быстро. Понял только, что конструкцию он запатентовал, поднимает она до килограмма полезной нагрузки на высоту десятиэтажного дома и вполне может быть использована в качестве средства доставки небольшой боеголовки в квартиру какого-нибудь нежелательного элемента.

— Я их продаю как детские игрушки, но о возможности подобного применения, конечно, умалчиваю, — ухмылялся Гордей. — Да и не сможет никто, кроме меня, превратить ее в тактическую ракету ультрамалого радиуса действия.

За те три года, что мы не виделись, Гордей почти не изменился. И даже выпавший еще во время работы в НИИ передний зуб не вставил. Как он ухитряется не шепелявить? У меня однажды пломба на переднем зубе выпала и щель образовалась, так язык, словно арестант из тюрьмы, все время норовил в эту крохотную щель вырваться, и я немедленно начал шепелявить. А Гордей… Он даже в этом уникален.

— Иностранные шпионы вокруг тебя еще не вертятся?

— Меня скорее наша налоговая в кутузку посадит, за уклонение. А шпионы… Теми вещами, которыми я занимаюсь, шпионы обычно не интересуются.

Гордею явно хотелось с кем-то поделиться своими идеями.

Еще когда мы вместе одну ОКР делали, он очень любил свои творческие способности демонстрировать — словно красивая женщина, не упускающая возможности показаться перед мужчинами в новом платье. Секунду подумав, я задал вопрос, которого так ждал от меня Гордей.

— А чем ты сейчас занимаешься?

Время у меня было, все равно просто так гуляю, воздухом дышу. Почему бы не сделать человеку приятное? Очень уж Гордею хочется душу излить, а жене, наверное, он своими идеями уже надоел до смерти.

— Разрабатываю проект: стопроцентно надежная, саморазвивающаяся глобальная сеть мобильных компьютеров с нулевыми затратами на эксплуатацию и ремонт.

— Стопроцентной надежности не бывает, так же как и нулевых затрат, мгновенно ответил я. — Лучше бы ты вечный двигатель изобретал.

— Причем тут вечный двигатель?

— Больше шансов добиться успеха.

— Вот видишь, даже ты, бывший руководитель темы, с ходу отвергаешь непривычные идеи. Что же говорить о других? — огорчился Гордей. — Мне и обсудить-то свои проекты не с кем.

Мне показалось, еще немного — и он заплачет.

— Ну… Есть же законы физики, законы сохранения, закон возрастания энтропии… Ты, надеюсь, не собираешься ниспровергать всю физику?

— Нет, конечно, — возмутился Гордей. — Но жизнь тем и отличается от мертвой природы, что уменьшает собственную энтропию — правда, за счет увеличения энтропии окружающей среды, так что в целом энтропия, как и положено, возрастает.

— Причем здесь жизнь?

— Ты читал «Возвращение Рамы» Артура Кларка?

— Не помню. Вряд ли. Разве мы о литературе говорим? То компьютеры, то жизнь, то Кларк… Причем здесь сапоги?

— Какие сапоги? А… Так вот, в этой книге описан космический корабль, совершающий длительный межзвездный перелет. И все его системы управления построены на живых организмах. Они рождаются из эмбрионов, замерзших во льду питательного бульона. Когда температура внутри корабля повышается из-за приближения к звезде и бульон становится жидким, служебные организмы быстренько оживают, вырастают, выполняют — инстинктивно возложенные на них задачи и, породив новые эмбрионы, растворяются и замерзают в том же бульоне. Корабль, пополнив запасы энергии, уходит от звезды и летит к следующей. Понимаешь? Ни один механизм не выдержит

тысяч лет бездействия при низких температурах, а вот спора бактерии или эмбрион животного — выдержит! Жизнь не только чрезвычайно хрупкая штука, но и чрезвычайно надежная!

— Я где-то читал, что жизнь на Земле зародилась, возможно, из микроорганизмов, попавших в атмосферу из хвостов комет. Споры действительно сохраняют способность к «всхожести» тысячи, а может и миллионы лет. Но причем здесь компьютеры?

— Ты слышал что-нибудь о технологии Bluetooth? — в очередной раз круто изменил тему Гордей. Английский у него плохой: он сказал почти по-русски, блу-тус, и мне пришлось пару секунд догадываться, что он имеет в виду. Или это ему дырка в зубах мешает правильно говорить? Кстати, насчет зубов…

— «Голубой зуб»?

— Вообще-то это фамилия какого-то знаменитого викинга. В его честь назвали технологию беспроводного соединения компьютеров и периферийных устройств между собой. Теперь можно поставить принтер в одном углу комнаты, комп в другом, модем в третьем, с ноутбуком в руках и сигаретой в зубах лежать на диване — и все это будет преспокойно работать в единой локальной сети безо всяких кабелей.

— Включая сигарету и диван?

— Не цепляйся к словам, вникай в смысл. Представь теперь, что все компьютеры Земли — портативные, работают от аккумуляторов и солнечных батарей. Связь в локальной сети — по технологии Bluetooth, в глобальной через мобильные телефоны.

— Лет через двадцать так и будет. Но кто-то говорил о нулевых затратах на ремонт и эксплуатацию?

— И на расширение сети тоже. Ты уже догадался, к чему я клоню?

— Еще нет. Ты же знаешь, я никогда не отличался особой сообразительностью.

Гордей улыбнулся, хотел сказать мне что-то приятное, но его отвлекли.

— Хозяин! Вы торгуете или у вас производственное совещание? — позвала его женщина в красной шляпке. Возле вертушки с платьицами стояли уже три юные покупательницы; две мамы пытались отговорить дочерей от бессмысленной траты денег, третья, в красной шляпке, наоборот, мечтала с ними побыстрее расстаться.

— Извини, я сейчас. Бизнес, чтоб я разбогател!

Последнюю фразу он произнес как ругательство.

С покупательницами Гордей разделался на удивление быстро. Мне даже показалось, что он сильно уступил этой

женщине в красной шляпке — лишь бы побыстрее вернуться к нашему разговору. Видать, Гордею действительно не с кем поделиться распирающими его идеями. Ну что же, придется мне поглотить некоторую их часть. Может, Гордею чуточку полегчает?

Вернувшись, Гордей вместо очередных идей всучил мне одноразовый шприц, присобаченный через длинную пластиковую трубочку к его ракете.

— Это стартовый ключ. Как скажу, нажмешь на поршенек. Сейчас увидишь мою ракету в действии.

Своеобразные люди эти изобретатели. Он даже не спросил, интересно ли мне играть в его детские игрушки. «Сейчас увидишь…» А если я не хочу? Ну да ладно, пусть похвастается.

Гордей залил в бак ракеты примерно литр воды из пластиковой бутылки.

— Смотри, это манометр, — показал он мне на единственный приборчик, входивший в состав его стартового комплекса. — Следи, чтобы давление не превысило восьми атмосфер. Как будет семь — чихни.

Гордей начал закачивать в ракету воздух обыкновенным велосипедным насосом. Я следил за манометром. Три, три с половиной, четыре…

— Дяденька, сколько время? — спросил какой-то пацан, шмыгая носом. Откуда он взялся? Впрочем, как только где-то что-то взрывают или запускают — там всегда появляются такие вот пацаны, причем непременно сопливые.

Я посмотрел было на часы, но их скрывал рукав плаща. Пришлось второй рукой, в которой был «стартовый ключ», сдвинуть рукав.

— Три часа… — начал было я, словно китайские говорящие часы, называть текущий час, но тут произошло нечто непонятное. Кто-то негромко зашипел, бумкнул и сильно брызнул мне в лицо ледяной — март же на дворе! водой.

А через пару мгновений кто-то еще и дал мне по голове.

Я упал на влажную землю.

Рядом со мной лежал Гордей.

Пацан хохотал, схватившись за живот.

— Ты что, с ума сошел? — рассердился Гордей, вставая. — Ты же мне чуть башку не снес! Если бы я вовремя не упал, так и было бы!

Я сконфуженно поднялся.

— Да меня этот пацан… Сам не понимаю, как такое могло случиться. Я всего лишь на часы хотел посмотреть…

— И заодно нажал на поршень шприца. А ракета, едва взлетев, упала тебе на голову, — засмеялся и Гордей.

Я оглянулся в поисках пацана, из-за которого попал в смешное положение. Ну, я сейчас ему… Но пацан исчез так же неожиданно, как и появился.

Я отряхнул с плаща капли воды и попробовал отчистить грязь, но мне это практически не удалось. Гордеева куртка в этом смысле оказалась гораздо практичнее — несколько мокрых пятен, и все. А мой новый плащ…

— Ладно, спасибо за представление, — сказал я. — Рад, что у тебя все хорошо.

— Как, ты уже уходишь? — огорчился Гордей. Я его прекрасно понимаю: разговаривать с умным собеседником гораздо приятнее, чем с малолетками, жаждущими новых нарядов. Пока они жаждут их для своих Барби, лет через десять точно так же будут жаждать для себя. Впрочем, не точно так — гораздо сильнее! Но Гордей при деле, деньгу зашибает, а я что? Развлекаю его?

— Ухожу. Свежим воздухом подышал, голову проветрил — пора и поработать.

— А чем ты сейчас занимаешься? — вспомнил Гордей, наконец, и обо мне. Но у меня уже не было настроения лясы точить.

— Как-нибудь потом расскажу. Пока!

— Жаль, не поговорили толком. Может, заскочишь ко мне как-нибудь? Вот визитка.

Гордей вытащил из заднего кармана брюк бумажник, а из него самодельную визитку, распечатанную на лазерном принтере.

«Анатолий Гордеев. Директор кукольного ателье мод. Главный конструктор ракетных систем» — прочитал я, и мне тоже, как тому пацану, стало ужасно смешно.

Директор… Главный конструктор…

Я не смог удержаться от смеха, но Гордей не обиделся.

— Нынче в кого ни ткнешь пальцем — или директор, или президент, в крайнем случае частный предприниматель. Ну, и я решил не отставать от моды… Позвонишь?

— При случае. Я не директор и не президент, так что у меня визиток нет.

— Но ты все там же живешь, на Оболони?

— Ага… В девятиэтажном особняке.

— Тогда твой телефон у меня где-то записан. Заходи, поговорим.

— Как-нибудь, — повторил я, пожал Гордею руку и пошел вверх, в сторону Андреевской церкви.

У меня почему-то испортилось настроение.

Почему? Мой новый плащ, возможно, теперь придется

сдавать в химчистку… Нет, не из-за этого. А из-за чего?

Гордей, когда мы еще вместе в НИИ работали, делил всех людей на идейных и безыдейных. Но, конечно, не так, как это в свое время делали коммунисты. Идейные, согласно Гордеевой классификации — это люди, способные генерировать новые идеи. К таковым он причислял себя, своего коллегу Витьку Бевзенко и — видимо, чтобы не обидеть — меня. Ну, и еще пару-тройку человек. Все те, кто не способен был решать технические задачи на уровне изобретений, были, в представлении Гордея, безыдейными. Потом, когда науку и технику в Украине и России начали планомерно уничтожать и мы все, идейные и безыдейные, в поисках хлеба насущного подались кто куда, Гордей это сделал одним из первых. Я еще подумал тогда, что Гордею волей-неволей придется перейти в стан безыдейных. Ну много ли простора для творчества при шитье кукольных платьев? Однако, как ни странно, Гордей так и остался идейным. А вот я… Жена требует денег, дочки — нарядных платьев, вкусной еды и развлечений, а я, работая то на двух, то на трех работах, пытаюсь «обеспечить семью». И времени для чего-то своего, заветного практически не остается. Ни времени, ни сил. Может, я что-то не так делаю? Может, мои нерожденные идеи все-таки важнее сытной жизни красавицы-жены и двух соплячек, все потребности которых можно свести к классическим «хлеба и зрелищ»? (В современной интерпретации — гамбургеров в «Макдональдсе» и телевизора…)

Я попытался продолжить ход мысли Гордея. Как можно заставить компьютеры сами себя ремонтировать, обслуживать и даже обеспечивать электроэнергией? Собственно, на полностью автоматизированных производствах… Да нет, почти весь персонал на таких производствах — это техники по ремонту и обслуживанию. И электроэнергии такие заводы потребляют — будь здоров! Никаких солнечных батарей не хватит… Впрочем, Гордей что-то там про «Возвращение Рамы» говорил. Компьютер на органических молекулах? Но работы эти пока — на самой ранней стадии научных исследований. И даже не исследований, а выдвижения идей. Ах, ну да, Гордей же у нас идейный…

Едва я вышел на Большую Житомирскую, вплотную к тротуару проехал джип и обдал меня хоть и весенней, а все-таки грязью. Чертыхнувшись, я принялся стряхивать капли с брюк и даже плаща. Вот скотина… Я имею в виду водителя джипа. Какая-то интересная мысль мне чуть было не пришла в голову. Я ее уже почти начал думать. А этот придурок…

На этой злобно-грустной ноте я тогда и закончил. И, возможно, никогда даже не вспомнил бы о нашем с Гордеем разговоре, если бы он не позвонил мне примерно через полгода.

Совершенно неожиданно позвонил — мы ведь с ним даже не друзья. И почему он меня для такого выбрал, а не того же Витьку Бевзенко? Жил бы я сейчас спокойно, безо всех этих проблем. А теперь…

* * *

Было начало сентября. Погода стояла чудная: днем жарко, хоть в рубашке ходи, и солнце. Мы совершенно случайно встретились с Гордеем возле нашего универсама. Его недавно отремонтировали, переоборудовали, превратили почти что в супермаркет. Я как раз купил пару лампочек на сорок ватт дочки в очередной раз, выясняя отношения, свалили на пол настольную лампу; они у меня почему-то дерутся, как мальчишки — а Гордей выходил из продуктовой половины с батоном, кефиром и банкой консервов. Если бы я не знал наверняка, что он женат, подумал бы — холостяк добыл себе ужин и тащит в свое одинокое логово.

— Привет! — окликнул меня Гордей.

— Ты? Какими судьбами? Пролетая над Парижем?

— Не совсем. Я теперь живу в вашем Париже, — улыбнулся Гордей, и улыбка его мне не понравилась. Кажется, он не испытывал ни малейшей радости от того, что переехал к нам на Оболонь, хотя район считается неплохим: и метро есть, и Днепр близко.

Мы вышли из универсама и остановились недалеко от входа.

— Купил здесь двухуровневую квартиру в элитном доме? — неудачно пошутил я. Неудачно в том смысле, что шутка могла получиться злой. А что, если Гордей вынужден был продать свою большую квартиру и купил маленькую, чтобы элементарно не помереть с голоду? Такое сейчас сплошь и рядом происходит.

— Гостинки не бывают двухуровневыми, — еще более грустно улыбнулся Толик. — Я теперь один живу, — предупредил он мой следующий вопрос. — Жена ушла от меня пару месяцев назад. Нашла себе бизнесмена — хоть и не крутого, скорее всмятку, но все же… Он купил мне гостинку, жена с дочкой переехала к нему, а у нас пока тесть с тещей живут, приехали из села. Помрут квартира дочке будет.

— Теперь понятно, почему у тебя в пакете — ужин аристократа.

— Жаль время на приготовление еды тратить. Знаешь, я даже рад, что все так получилось. Теперь никто и ничто не мешает мне заниматься главным.

Кажется, мне в очередной раз предстояло стать

громоотводом, спасающим Гордея от молний его странных идей.

Я посмотрел на часы: начало девятого. Мне сегодня предстояло еще постирать свои носки и сорочки — у жены была аллергия на стиральный порошок; детские и свои вещи она еще как-то стирала хозяйственным мылом, а вот мне приходилось обслуживать себя самому. Но это не займет много времени, минут десять я вполне могу потратить на болтовню. Впрочем, разговоры с Гордеем небезынтересны — будет о чем поразмышлять на ночь глядя.

— И какую же глобальную проблему ты сейчас решаешь? — произнес я именно те слова, которые жаждал услышать Толик. — В прошлый раз, помнится, ты хотел осчастливить человечество саморемонтирующимися компьютерами, работающими от солнечных батарей.

— Я и сейчас работаю в этом направлении. Только то же самое меня тревожит уже с другой стороны. Я пытаюсь найти ответ на самый общий, философский вопрос, — сказал Гордей и резко посерьезнел.

Мне обсуждать философские вопросы совершенно не хотелось.

— В чем смысл жизни, что ли? — попытался я свести разговор к шутке.

— Это — частный вопрос. Ответ на него прямо следует из ответа на вопрос более общий. Догадайся, какой?

— Что первично, материя или сознание? — с ужасно умным видом спросил я.

— Первично Сознание, сотворившее материю и все остальное, — легко решил столетия мучавшую философов проблему Гордей. — Но вот вопрос вопросов: зачем Бог создал Вселенную? Не как, не когда, не почему именно такую, а не другую — это все мелочи. Но — зачем?

Гордей тревожно поднял вверх указательный палец.

— Неисповедимы пути Господни… — смиренно сложил я руки перед грудью. — Нам не дано понять промысел Божий. А раз не дано — так зачем над этим голову ломать? — резко изменил я тон.

Но Гордея отнюдь не смутило мое ёрничанье.

— В Библии об этом ничего не сказано. Хотя этическая оценка акту творения дана: «И увидел Бог, что это хорошо». Но — для кого хорошо?

— То есть как это для кого? Для…

Для человека, конечно, хотел сказать я — и осекся. Человек-то появился на шестой день творения, а знаменитую фразу библейский Бог повторял в конце каждого рабочего дня.

— Для Бога, наверное.

— Именно! А что хорошо для русского, то немцу — смерть!

— В смысле?

— Добро и зло понятия относительные. И то, что хорошо для Бога, не обязательно должно быть хорошо для человека. Человек в картине мироздания играет важную, но не центральную роль. Он выполняет какую-то функцию. Какую? — не унимался Гордей.

— Наверное, в Библии про это написано. Человек должен быть царем природы, нарекать все сущее по имени…

— То есть выполнять функции наемного менеджера в принадлежащем Богу царстве. Но — возвращаемся к изначальному вопросу — для чего оно было создано?

— И к изначальному ответу: нам не дано предугадать промысел Божий.

— Но и не запрещено пытаться понять его.

— Не знаю, не знаю… Я где-то читал, что размышлять о том, что такое карма и как она работает, нельзя: могут быть большие неприятности!

— Но мы же не о карме говорим? Этот пустяк меня интересует меньше всего.

— Ну и нахал же вы, батенька!

— Я не махал, я дирижировал, — вспомнил Гордей детскую отговорку.

— Что-то я не пойму, как твой смысл жизни связан с самовосстанавливающимися компьютерами.

— Ты что, еще не догадался? — удивился Гордей.

Не люблю я умников. Они тратят слишком много своего и чужого времени, чтобы доказать окружающим, что они самые умные в округе. Ну ладно, Гордей избавляется от своего комплекса неполноценности (потому что умник, если только заподозрит, что не самый умный в городе или хотя бы в радиусе километр, мгновенно начинает краснеть, икать и пукать), а я-то здесь причем? Жена не выдержала, не смогла играть роль дуры, на фоне которой Гордей выглядел бы гением — так он меня решил к этому приспособить?

— Ты же знаешь, я безыдейный, — вспомнил я классификацию Гордея и, нагло посмотрев на часы, протянул для прощания руку. — Извини, мне пора.

— Ты зашел бы как-нибудь ко мне, есть о чем поговорить, — крикнул он мне в спину, забыв, что я не знаю его нового адреса.

— Как-нибудь зайду, — пообещал я, полуобернувшись.

Если бы я тогда знал, что действительно зайду, да еще с таким ошеломляющим результатом — то что бы сделал? Поменял квартиру и навсегда уехал из Киева, да и вообще в другую

страну? Боюсь, даже это не помогло бы. Гордей, с его возможностями, нашел бы меня где угодно. Ну почему именно меня он выбрал в качестве жилетки, в которую каждому человеку нужно когда-нибудь поплакать? Почему именно со мной произошла эта жуткая история? Не понимаю…

* * *

Наша следующая встреча произошла при обстоятельствах престранных. Уже одно это должно было меня насторожить и оттолкнуть от Гордея как можно дальше, лучше всего — на другую сторону земного шара. А вот поди ж ты, не остановила, не насторожила, не испугала до смерти. Наоборот заинтриговала…

А было так: Гордей трижды приснился мне во сне, и все время в одной и той же ситуации. Иногда у людей бывают повторяющиеся кошмары — сны, тягостные именно своей повторяемостью. Так было и со мной. А снилось мне следующее: будто бы Гордей сидит на больничной койке в синем байковом халате; лицо усталое, можно даже сказать — изможденное. А я стою перед ним в одних трусах, потому что каким-то неведомым образом перенесся в эту палату прямо из своей постели, покинув дважды удовлетворенную и по этому случаю вполне умиротворенную и даже немножечко счастливую жену. Стою я перед Гордеем босиком, но мне почему-то не холодно. А Толик смотрит на меня затравленно-усталым взглядом и просит:

— Ты бы навестил меня, Чижик! Корпус тридцать семь, палата два. И книжку мне принеси, «Мозг» называется. У тебя есть, я знаю. Принесешь?

Вообще-то моя фамилия Чижов, и Чижиком меня со школьных лет никто не называл. Книжка «Мозг» у меня действительно есть — купил лет десять назад, сам не знаю зачем. Я слушаю — во сне — Гордея, удивляюсь, откуда он знает про книжку, и думаю, что мою детскую кличку любой мог бы вычислить, а вот книга… И так я удивлен тем, что Гордей знает про книгу, о которой я и сам давно позабыл, что просыпаюсь. Рядом спит жена, в соседней комнате дочки. Вроде все нормально, но мне отчего-то тревожно. Едва осознав это, я засыпаю, хотя обычно, проснувшись среди ночи, долго не могу заснуть. Засыпаю и почти сразу вижу этот же сон: Толик снова просит принести ему книгу, а я опять удивляюсь и просыпаюсь. На третий раз — я и после второго пробуждения почти сразу заснул, упал во все тот же странный сон — я сквозь сон возьми и пообещай Гордею:

— Приду… Завтра… Что тебе принести из продуктов?

— Апельсины, что же еще? — удивился Гордей моему вопросу, и на этот раз я проснулся не от своего, а от его удивления. Проснулся и почему-то поверил и в сон, и в свое обещание. А я стараюсь обещания выполнять, есть у меня такая, очень вредная для меня самого, привычка.

Утром я долго искал по всем записным книжкам телефон Гордея. Он, конечно, уже там не живет, но, может быть, тесть или теща знают его новый адрес? Я почему-то был уверен, что он в больнице, даже знал, в какой Павловской, конечно, она ближе всего к Оболони. Да и есть ли в Киеве другая больница для психов? Но все же я хотел убедиться перед тем, как идти, что Гордей действительно в больнице.

Номер телефона я нашел. Трубку снял тесть.

— Толя? Он здесь не живет, давно уже. А нового его адреса и телефона я не знаю, — упредил он мой следующий вопрос и повесил трубку.

Делать нечего, пришлось поверить герою моего кошмара на слово. Покрутившись в редакции журнала — как раз настал срок сдачи очередного перевода и расплаты за предыдущий — я, купив на ближайшем лотке сеточку с апельсинами, поехал не домой, а прямиком в Павловскую. Книга «Мозг» лежала у меня в сумке. Еще утром, обшарив стенку и дюжину навесных полок, я нашел ее во втором ряду, между альбомами с марками, которые уже давным-давно никто не рассматривает.

Тридцать седьмой корпус я нашел не сразу. Эта Павловская — целый городок. Городок сумасшедших…

— У вас во второй палате лежит Анатолий Гордеев, — нахально сказал я какой-то молодой женщине в белом халате, дежурившей за столом в большой комнате с несколькими кушетками и венскими стульями. Халатик у нее был так туго притален, так откровенно декольтирован, что я не мог отвести от молодой врачихи глаз.

Интересно, а если бы она в милиции служила, сумела бы сделать мундир таким же сексуальным? Думаю, да…

— Гордеев? — Она посмотрела какой-то список под стеклом. — Есть такой.

Я чуть не упал. Хоть и говорил я уверенно, но уверен-то был как раз в обратном. Вот, думал, сейчас выяснится, что никакого Гордеева здесь нет и не было, я сяду на 27-й троллейбус, доеду до Петровки, а там уже рукой подать до моего дома. Дочки обрадуются апельсинам, я — тому что кошмар, как и положено, остался лишь кошмаром. А тут…

— В палату к ним нельзя, но он может спуститься. Подождите

немножко. Вы его родственник? — она сняла трубку телефона.

— Сослуживец, — чуточку приврал я. Не объяснять же ей, что когда-то мы работали над одной темой, но потом нас жизнь обездолила и разбросала. Жаль, что недостаточно далеко, могу я добавить сейчас, с высоты своего теперешнего опыта. Но тогда я просто замолчал.

— А вы… — протянула она и посмотрела на меня подозрительно. Посмотрела так, словно я пытался скрыть от нее какую-то стыдную болезнь. Вы тоже компьютерами занимаетесь?

— Нет. Почему вы так решили?

— У нас во второй палате все бывшие компьютерщики, сами ставшие компьютерами, — усмехнулась молоденькая врачиха. Цвет ее золотой коронки строго соответствовал цвету оправы очков. — А вы с Гордеевым коллеги.

— Но Гордеев тоже не компьютерщик, — возразил я.

— Да, вспомнила… Он единственный из четырех не компьютер, а… как же он сказал… сервиз… сервис? А, сервер! Вы, пожалуйста, не раздражайте его и не спорьте. Мы его вылечим, не сомневаетесь, но на это понадобится время.

Я никак не мог определить, сколько врачихе лет. То она мне казалась тридцатилетней, то — студенткой-первокурсницей, для солидности надевшей очки.

Правильным оказалось второе: в комнату быстрыми шагами вошла еще одна врачиха, лет сорока, мгновенно оценила обстановку и строго покачала головой:

— Светочка! Я же просила: с посетителями — никаких разговоров! Спасибо, дорогая, можешь идти.

Светочка, запахнув полы своего сексуального халатика, вышла в коридор.

— Вы к кому? — спросила у меня настоящая врачиха.

— К Гордееву

— А… Его уже позвали. В общем-то, Светочка правильно вас предупредила: не спорьте с ним, не волнуйте понапрасну больного. К нему, кстати, не ходит никто; даже хорошо, что вы появились.

— Он что, действительно считает себя сервером?

— Сейчас сами увидите. Но не беспокойтесь: это уже остаточные явления. Через две-три недели мы его выпишем.

Гордея я узнал не сразу. Глаза усталые, покрасневшие, лицо отечное.

Мы сели здесь же, в уголке, на одну кушетку. Говорили вполголоса. Вскоре появились еще посетители, мы стали говорить громче, и я постепенно забыл, где нахожусь. Ну, почти забыл. То, что Гордей начал мне грузить, можно услышать только в стенах

подобного заведения, поэтому время от времени я все же вспоминал, где нахожусь.

— Отечность — это от лекарств, — сразу сказал Гордей, едва мы «уединились». — Я, когда сообразил, что к чему, был в шоке, конечно. Ну, они этим и воспользовались, упекли меня сюда. Могло быть хуже. Хорошо, что я хоть жив остался.

— Кто — они? — задал я, как мне показалось, именно тот вопрос, который Гордей хотел от меня услышать, но на этот раз ошибся.

— Суть не в этом. Я наконец понял, что моя идея биокомпьютеров уже не только детально проработана и просчитана, но и реализована на практике. Ну, и по этому поводу был… несколько в расстроенных чувствах. Выбежал на улицу, стал говорить всем встречным, что они компьютеры, да и я почти такой же, разве что быстродействие и кэши второго-третьего уровней у меня побольше — в общем, как у сервера. Ну, меня и определили в психушку. Но ты-то… Хоть ты-то меня понимаешь?

— Все мы немножечко компьютеры, — дипломатично сказал я.

— Да не немножечко, а стопроцентно! Идеальные компьютеры, которые самовоспроизводятся, сами себя ремонтируют — наши мастерские называются больницами — сами себя питают… Понимаешь? Системному администратору, который ставит нам задачи и получает результаты, не нужно предпринимать никаких усилий, чтобы сеть работала! Мы все делаем сами! Даже физически устаревшие компы сами утилизуем — в землю закапываем или сжигаем. Вот об этом я на Андреевском спуске тебе и намекал, помнишь? Только я думал, что все это нужно разрабатывать, оказалось — все уже разработано и функционирует!

— Может, ты и прав, — еще более дипломатично предположил я.

— А, ты тоже решил, что я сошел с ума? — догадался Гордей. — В первое мгновение, когда все вдруг стало ясным, словно при свете молнии действительно чуть не сошел. Но потом понял: именно на это и рассчитывал сисадмин, это — первая ловушка.

— Какая еще ловушка?

— Есть такая книга: «Все ловушки Земли». О чем она, я почти не помню, но название хорошее. На Земле их полным-полно. Ловушка — это программа-сторож, задача которой — выявлять и уничтожать те биокомпы, которые осознали, кто они есть, и не позволить им получить доступ к интерфейсу сисадмина. Так вот, первая ловушка — в каждом из нас. Мы сами себя уничтожаем,

приблизившись к опасной мысли. Сумасшедшие дома переполнены несчастными, угрожавшими нарушить монополию сисадмина на интерфейс. Но в моем случае ловушка почему-то не сработала. То есть формально она сработала, я попал в желтый дом, но рассудок сохранил.

У меня в этом были большие сомнения, но я не стал делиться ими с Гордеем. Зачем огорчать хорошего человека? Может, его и в самом деле вылечат. Он забудет все, как дурной сон, я тоже…

Я вспомнил про сон и вздрогнул.

— Ты… хотел, чтобы я пришел?

— Я тебя вызвал. Самое забавное, что здесь мы можем говорить вполне безопасно — мертвая зона, программы-ловушки ее не контролируют. И я смогу тебе что-то объяснить, не рискуя жизнью — ни своей, ни твоей.

Я поежился. Мне показалось, что какой-то резон в его словах есть. Но какое право он имеет рисковать моей жизнью? Своей — сколько хочет, хоть килограмм, а у меня двое детей!

— Мы, наверное, очень маломощные компьютеры, — решил я, хоть и по-дилетантски, а подлечить Гордея. — Таблицу умножения, конечно, знаем, но вот перемножить 123 на 321 для нас уже проблема. Вряд ли какой-нибудь сисадмин захочет использовать такую вычислительную сеть.

— Ты что, так ничего и не понял? — прозрел Гордей. — Для собственных нужд человек использует лишь пять процентов своего мозга, и работают эти пять процентов чудовищно медленно. А остальные девяносто пять использует сисадмин, и тактовая частота там — в тысячи и миллионы раз выше! Ты слышал про людей-счетчиков, мгновенно перемножающих девятизначные числа? Вот с такой скоростью наш мозг работает на самом деле. Но для нужд самообеспечения подобная скорость не нужна. Мы распоряжаемся лишь малой частью своего интеллекта! А остальное крадет сисадмин!

— Всякая сеть подразумевает кабели или хотя бы технологию Bluetooth, — напомнил я. — Мы ведь друг с другом никак не связаны!

— Кто тебе сказал такую глупость? А телепатия? Это и есть тот «инфракрасный» канал, по которому наши мозги общаются между собой, выполняя вычисления для дяди. Ну и, конечно, как и в случае с людьми-счетчиками, находятся индивиды, умеющие частично использовать этот канал для собственных нужд.

Да, врачам придется нелегко. Гордей настолько утвердился, уверился в своей безумной идее…

— И кто же этот загадочный сисадмин? Бог, дьявол?

— Не знаю. Пока не знаю, — вздохнул Толик, и это было

очень плохим признаком. Я понял: он настолько уверен в реальности своего бреда, что даже не стремится заполнить все лакуны, все вопиющие дыры в логике своих рассуждений.

— Но скоро узнаю и это, — добавил Гордей. — Ладно, не будем терять время. Ты книжку принес?

Только теперь я вспомнил про апельсины и книгу.

— Мне вообще-то запрещают читать. Ты подвинься так, чтобы эта мымра меня не видела, — попросил Гордей, взглядом показывая на врачиху.

Я скосил глаза. Врачиха вязала, спрятав клубки в ящик стола и время от времени поглядывая на дверь, из-за которой, возможно, мог появиться главврач. На больных — а в комнате было их уже с полдюжины, не меньше — она не обращала ни малейшего внимания.

«Мертвая зона», — вспомнил я Гордеевское и поежился. А что, если он хоть в чем-то прав? Не забыть бы спросить, откуда он знает про книгу.

Я чуточку переместил корпус, достал книгу и передал ее, вместе с апельсинами, Гордею. Апельсины он положил на колени, а книгу начал быстро, но бесшумно листать.

А может быть, я сам давал ему эту книгу лет десять назад, да забыл об этом? Он явно ищет какую-то определенную страницу, конкретный абзац. Сейчас прочитает его и вернет мне книгу. Наверное, он хочет выяснить, какой именно отдел мозга обеспечивает телепатическую связь между биокомпьютерами, догадался я. Или другое: какие разделы работают «на дядю».

— Спасибо, возьми — вернул мне Гордей книгу.

— Ну как, нашел, что искал? — спросил я.

— Пока нет. Но я все внимательно прочитал и запомнил. Ночью подумаю над прочитанным и что-нибудь соображу.

— Ты что, раньше… не читал эту книгу? — не понял я.

— Нет. Мне нужна была любая книга, описывающая мозг. Я ведь не медик, о многом только догадывался. Теперь я кое-что знаю.

— Ты хочешь сказать, что прочел и запомнил эту толстую книгу за пять-семь минут? — все еще не понимал я.

— Ну да. Я не сказал тебе самого главного: я научился отсоединяться от сети и использовать свой мозг исключительно для собственных нужд. Но пока боюсь отключаться более чем на пятнадцать минут. Думаю, здесь тоже может быть ловушка. Ладно, ты иди, мне нужно подумать. Пока!

Он быстро поднялся и, помахивая сеточкой с апельсинами, вышел из комнаты. Я, слегка обидевшись, вышел через другую дверь.

Ах, если бы эта наша с ним встреча стала последней! Тогда я еще мог вернуться, мог позабыть если не все, то хотя бы часть из сказанного Гордеем. Пожалуй, это было последней точкой возврата — есть у летчиков такой термин. Но я не вернулся, а теперь уже поздно…

* * *

Гордей позвонил мне через два дня, в субботу.

— Ты можешь прямо сейчас выйти в детский садик, который ближе всего к твоему дому? Есть разговор.

— Тебя что, уже выпустили? — удивился я. Помнится, врачиха в психушке говорила про несколько недель.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Гордей. — И еще. Захвати для меня какой-нибудь бутерброд и двадцать гривень. Можешь мне одолжить такую сумму дня на три?

— Нет проблем, — бодро ответил я, вспомнив, что в заначке у меня сейчас гривень сорок, не меньше. — Ты где конкретно?

— Выходи, увидишь.

Я попросил жену приготовить два больших бутерброда и один маленький, а сам тем временем оделся. В хлебном магазинчике, что на первом этаже нашего дома, продают также пиво, водку и всякие там сладости. В дополнение к бутербродам я купил четыре бутылки пива и лишь затем, полностью экипированный, переступил границу детского садика.

Когда-то в этот садик можно было устроиться только за взятку. Здесь целый день кипела особая, детская жизнь. Кто-то с кем-то ссорился, кто-то с кем-то мирился. «Я с тобой играть больше никогда не буду!» — эта фраза звучала здесь ежедневно и многократно. Но после разгрома Союза очень немногие дети рисковали появиться на свет в «незалежной», то бишь независимой, державе. И престижный некогда детсад пришел в упадок. Керамическая плитка со стен кое-где осыпалась, песочницы развалились и осели, сетчатую ограду наполовину растащили. Мерзость запустения, одним словом.

Гордей, чуть сгорбившись, сидел на скамеечке между сломанными качелями и металлической горкой (с одной стороны лесенка, с другой некогда отполированный детскими попками до блеска, а теперь ржавый металлический желоб). Был Толик в той же потрепанной куртке, что и на Андреевском спуске, но выглядел совершенно иначе. И уж тем более он отличался от себя позавчерашнего. Ни покрасневших глаз, тревожно осматривающихся и поспешно перебегающих с одного предмета

на другой, ни нервных движений пальцев.

— Ты помолодел, — вынужден был признать я.

— Я и сам это чувствую, — не стал скромничать Гордей. — Но я не только помолодел. Я еще и…

Тут он обратил внимание на пиво — и, по-моему, испугался.

Вы видели хоть раз человека, который боится бутылки с пивом? Даже завязавшие алкоголики, по-моему, реагируют на сей предмет спокойно. А Гордей… Нет, он явно изменился.

— Пиво — это хорошо, — сказал он. — Я, правда, потерял к алкогольным напиткам всякий интерес, но в пиве много калорий, это — энергетически ценный продукт питания.

Однако… И так говорить о пиве «Княжеское»? Зря я старался, деньги переплачивал, Гордей все равно не оценил.

Я вынул расческу-открывашку, откупорил две бутылки, одну вручил Гордею. Он, сделав несколько больших глотков, жадно впился в бутерброд.

— Я два дня не ел, — пояснил он, поймав мои удивленный взгляд. Подхожу к дому, чувствую — там уже засада. К тестю с тещей я побоялся идти, зачем пугать старых людей? Тем более, что они сразу вызвали бы бригаду из психушки. Вот и пришлось две ночи здесь кантоваться.

— Где — здесь?

— Да в старшей группе, — махнул он головой в сторону двухэтажного облупленного корпуса. — Там и матрасики еще сохранились, и подушки, только без простыней и без наволочек. Ничего, завтра засаду снимут и я пойду домой. В принципе, я и сейчас мог бы глаза им отвести, но не хочу понапрасну Сисадмина тревожить. Он на такие штуки очень нервно реагирует, улыбнулся Гордей. Улыбка у него была добрая и спокойная — как у тихо помешанного. И все зубы были на месте, красивые т ровные, словно брусочки рафинада.

— Ты что, зуб себе наконец-то вставил? — попробовал я перевести разговор на другое.

— Не, новый вырастил. Заодно от стенокардии избавился, от холецистита и прочих мелких болячек. Хотел еще рост увеличить сантиметров на десять и мышечную массу нарастить, да раздумал — на кой мне это теперь надо?

Я чуть было не захлебнулся пивом.

А что, если он сейчас трахнет меня бутылкой по башке? Поди знай, что у сумасшедшего на уме…

В том, что Гордей сбежал из психушки, у меня сомнений не было. Потому и без денег, потому и голодный. Ишь ты, в детском садике ночевал, в старшей группе…

Я протянул ему двадцатку.

— Возьми, пока я не забыл. Ты знаешь, меня жена вообще-то в магазин послала… Она не любит, когда я с утра пиво пью. Так что это все тебе, подвинул я ближе к Гордею остальные бутылки и сверток с бутербродами.

— Не дрейфь, я адекватный, — улыбнулся Гордей все той же доброй и беззащитной улыбкой. — Если хочешь знать, я боюсь тебя гораздо больше, чем ты меня. Я должен сказать тебе пару важных вещей, но, пока у тебя бутылка в руках, не решаюсь. Вдруг шарахнешь меня ею по голове?

Я так и не понял, дразнился он, озвучивая мои собственные мысли, или в самом деле меня боялся. Потому что из-за угла двухэтажного корпуса вдруг выбежали четверо — два милиционера и еще два каких-то мужика — и, набросившись на Гордея, повалили его на землю. Следом за ними важно прошествовала уже знакомая мне врачиха; из-под накинутого на плечи пальто выглядывали полы белого халата.

— Попались, голубчики! — торжествующе улыбнулась она. — Это ты помог ему бежать из больницы? — строго спросила у меня врачиха. — Где дубликаты ключей?

— Каких ключей? — искренне недоумевал я.

— Это не он, — подтвердил Гордей, которого уже поставили на ноги и цепко держали за руки. Один из милиционеров доставал из-за пояса наручники, но они почему-то не вытаскивались. — Мне главврач двери открыл.

— Как это главврач? — хмыкнула врачиха. — Ардалион Витольдович такого сделать не мог!

— Мог, мог, еще как мог… — вяло настаивал на своем Гордей. — Ой, смотрите! — крикнул он, показывая в сторону ближайшей песочницы. — Вадик опять сыплет песок на голову Алене. Вадик, перестань сейчас же! — крикнул Гордей почему-то женским, визгливым и неприятным голосом.

Я посмотрел туда, куда указывала рука Гордея. В песочнице действительно Вадька сыпал песок на голову Алене.

Алена противная, ее никто не любит. Но сыпать песок на голову нехорошо, Марь Иванна, воспитательница, уже много раз говорила это Вадьке. Но он неслух и озорник, это все знают. И если он сейчас опять попробует отнять у меня машинку, я, как учил папа, дам ему сдачи. Размахнусь как следует — и дам!

Марь Иванна хлопнула в ладоши.

— А теперь, дети, все дружненько идем кататься на горку. К тебе это не относится, Чижик, — сказала она мне почему-то мужским голосом, ужасно знакомым. Ах да, это же голос… Гордея!

Именно в этот момент я чуть было не свихнулся. Только что

все было так хорошо: детский сад, песочница, сердитая Марь Иванна, и вдруг — тот же детский садик, но вместо детей санитары и милиционеры, а Марь Иванна — это, оказывается, Гордей. Тут у кого хочешь крыша поедет.

А может, у Гордея не сумасшествие, а какая-то заразная болезнь? И это раздвоение реальности — ее первые симптомы? Ну я и влип…

Милиционеры и санитары по очереди забирались на металлическую горку и съезжали с нее, ругаясь матом. Врачиха старалась от них не отстать. Один из санитаров, изловчившись, ухватил ее за волосы. С головы врачихи упала вычурная шляпка и подкатилась к нашим ногам.

— Вадик, не дергай Алену за косички! — немедленно среагировал Гордей. Говорил он своим обычным голосом и по-прежнему улыбался.

— Она первая начала! — наябедничал мордастый санитар и добавил несколько взрослых выражений. Ругался он неинтересно, просто грязно, и все.

Горка стонала под тяжестью откормленных тел. Гордей, видно, тоже озаботился безопасностью своих «воспитанников». Он еще раз хлопнул в ладоши.

— А теперь, дети, будем водить хоровод. Достаньте свои наручники и замкните круг. Алена, ты рядом с Вадиком не становись, он опять будет тебя за косички дергать! — посоветовал Гордей.

Милиционеры немедленно достали наручники и начали соединять себя друг с другом и с санитарами. У последних, как оказалось, тоже под куртками были спрятаны браслеты, так что хватило на всех. Дождавшись, пока круг замкнется, Гордей скомандовал:

— А ключики, детки, отдайте мне.

Он забрал ключи от наручников и, широко размахнувшись, забросил их в кусты.

— Ну, дети, какой у нас сейчас праздник? — спросил он.

— Новый год! — писклявыми нестройными голосами ответили «дети».

— Правильно. Кто к нам должен прийти?

— Дед Мороз! — сообразил Вадик.

— А еще кто? — не унимался Гордей.

— Снегурочка! — гаркнула врачиха, подпрыгнула и высунула широкий язык, покрытый беловатым налетом.

— Умница! — восхитился Гордей. — А теперь давайте дружно их позовем. Ну, три-четыре!

— Дед Мороз! Снегурочка! — закричали хором подопечные

Гордея. А он, сунув мне неоткупоренные бутылки, тихо сказал:

— Уходим отсюда, я пока еще не могу держать пятерых сразу и долго. Жаль, не поговорили. Но я тебя найду. За мной ведь теперь должок, усмехнулся он, перекладывая двадцатку из одного кармана в другой.

Садик вообще-то в тихом месте расположен, на отшибе, но все равно по периметру ограды начали собираться люди. И почему-то никто не решался переступить границу даже там, где сеток не было.

— Бабушка, а разве уже Новый год? — спросил четырехлетний карапуз с машинкой на поводке.

— У кого как, — осуждающе покачала головой аккуратно одетая седовласая старушка.

— Надо милицию вызвать! — послышались пока еще робкие советы.

— Напились с утра… А попади к ним в отделение — изобьют до полусмерти, и виноватых потом не найдешь…

Гордей был прав: пора уходить. Он пошел направо, я налево. И один-единственный вопрос, который в ту минуту меня тревожил, был такой: откуда взялась эта Марь Иванна? Я же никогда не ходил в детский садик…

* * *

— Ты можешь ко мне зайти, прямо сейчас? — спросил Гордей. Позвонил он мне дня через четыре после «новогоднего» хоровода.

— Что за спешка? Я только-только с работы, еще не ужинал…

— Заодно и поужинаем. Ты какую икру предпочитаешь, черную или красную?

— Вначале черную, потом, когда она кончится — красную. После икры бутербродик с красной рыбкой. Еще хороши оливки…

— Черная икра никогда не кончится. Запоминай адрес…

Сказать, что Гордей жил скромно — значит ничего не сказать. Из мебели у него был только обшарпанный шкаф — кажется, именно такие прославились как «славянские» — и софа. Ах да, еще письменный стол, тоже не первой молодости, со стареньким 14-дюймовым монитором, и вертящееся кресло перед ним. Всю остальную мебель заменяли грубо сколоченные стеллажи вдоль всех свободных стен, весьма смахивающие на нары. Большая часть полок была заставлена книгами, меньшая — картонными коробками с каким-то хламом. Но пол был чистым, стеллажи недавно протерты от пыли. Так что логово Гордея было хоть и

неуютным, но ухоженным.

На столе рядом с монитором красовалось угощение: несколько банок черной икры, несколько красной, оливки, маринованные шампиньоны, батон и пачка масла. Все — на салфетках или на пластмассовых тарелочках, вилки тоже пластмассовые. И даже ножи…

Я повертел в руках пластмассовую вилочку.

— Да… Неужели и я когда-то был холостяком? Впрочем, таким богатым холостяком я никогда не был. И, самое печальное, уже и не буду.

— Как знать, как знать… — обнадежил меня Гордей. — Можешь руки помыть в санузле, а я пока хлеб нарежу.

Я тщательно, как всегда перед едой, вымыл руки. В санузле у Гордея тоже было чисто, не то что у нас. А может, и в самом деле вернуться к холостяцкой жизни? Так надоела грязь. Три особи женского пола в доме держу, а толку никакого!

Но, вспомнив про дочерей, я успокоился. Никуда я от них не денусь. В хлеву буду жить, объедками питаться — только бы рядом с ними.

И что я в них нашел?

Гордей тем временем успел нарезать — интересно, чем? уж не пластмассовым ли ножом? — хлеб и теперь намазывал толстый ломоть опять-таки не тонким слоем масла.

— Бутерброд сам себе делай, по вкусу, — предложил он мне.

Его предложение мне понравилось.

Пока я возился с пластмассовым ножом и маслом, Гордей открыл консервным ножом две баночки черной икры, одну красную и грибы. Оливки он успел открыть, видимо, раньше. Сразу после этого он, с консервным ножом в руках, улетучился на кухню и вернулся, вытирая руки тонким льняным полотенцем, уже без ножа.

Толик уложил черный слой поверх желтовато-белого раньше, чем я, и теперь ждал, пока я сделаю то же самое. Едва я закончил, он поднял свой бутерброд, провозгласил «Ну, за освобождение!» и куснул, но, встретив мой недоуменный взгляд, чуть не подавился.

— Ах да, забыл. Мне это теперь совершенно не нужно, вот и забываю.

Он выудил откуда-то из-под стола, из-за системного блока компьютера, пластиковую бутылку с «фантой». Причем водрузил ее на стол с таким видом, словно это был коньяк «Арарат», не меньше.

Цвет фанты показался мне несколько странным: не желтый, а золотистый.

— Это «Хенесси», самый дорогой коньяк, который мне

удалось найти, объяснил Гордей.

— Ты бы его еще в емкость из-под шампуня перелил, — посоветовал я. Тогда бы я тебе быстрее поверил.

Гордей усмехнулся.

— Все это условности. Все равно вряд ли ты отличишь «Хенесси» от «Десны». Истинных ценителей мало, но именно они задают тон и позволяют производителям вздувать цены.

Он налил коньяк — неужели в самом деле «Хенесси»? — в пластиковые стаканчики.

— Ну, за освобождение! — повторил он свой странный тост.

— Пролетариата от эксплуатации! — попытался я развить его лозунг.

— Всех от всего! — довел он мысль до логического абсурда.

Мы выпили, съели по бутерброду и налили по второй.

Я, конечно, не гурман и не ценитель, но это действительно был коньяк, и если бы не привкус пластика — коньяк неплохой.

— Слушай, а стеклянной посуды у тебя нет? Хотя бы гранчаков? спросил я.

— Нет. Опасная это вещь, стеклянная посуда. Я, после того как чуть было не перерезал себе вены крышкой от консервной банки, всю опасную посуду из дома убрал.

— Даже рюмки и фарфоровые чашки?

— Чрезвычайно опасные предметы!

— А канделябр? — обратил я внимание на большой бронзовый подсвечник, стоявший на подоконнике. — Если ты вдруг решишь со всего маху дать им себе по башке…

— Единственная вещь, которая мне осталась от деда, не хочу прятать. Он ведь у меня тоже инженером был, так что я — конструктор в третьем поколении.

Мы выпили по второй. Я, для разнообразия, закусил маринованным грибочком, а потом бутербродом с толстым слоем красной икры.

Толику больше нравилась черная.

— Я, кстати, должок тебе хотел отдать, — сказал Гордей и полез под стол. На этот раз он вытащил не бутылку, а большую черную сумку. Открыв молнию, он вынул две пачки денег в банковской упаковке, по 10000 баксов в каждой.

Насколько я успел заметить, в сумке было еще десятка два таких пачек.

— Вот, держи. Брал двадцать — и возвращаю двадцать.

Это, наверное, было смешно, но я юмора не понял.

— Я давал тебе двадцать гривень, а не двадцать тысяч баксов. Ты что, банк взял?

— Я взял в банке украденные у меня деньги. Ну, и часть того,

что украли у тебя. Взял бы и все, но больше у них налички не было.

— Кем украденные? — не понял я.

— Дерьмократами, захватившими власть в стране и поделившими между собой наше с тобой имущество.

— Наше с тобой?

— Наши заводы, фабрики, поля, магазины, квартиры и все остальное. Я прикинул, сколько стоит неполученная мною новая квартира, невыплаченные мне гонорары за изобретения, невыделенные моей семье путевки в санатории, украденное у моей дочери бесплатное образование, медицинское обслуживание и прочие мелочи. Получилось около двухсот тысяч баксов. Ну, я пошел в коммерческий банк — именно там концентрируются украденные у нас средства и получил свои деньги. Две трети уже отдал жене, на остальные собираюсь жить сам. У меня много дел, деньги пригодятся. Так же как и тебе, впрочем.

— Мне-то зачем?

— А я расскажу тебе сейчас пару интересных вещей, и ты сразу поймешь, зачем. Только давай еще выпьем. Боюсь, без хорошей дозы алкоголя шок будет слишком сильным. Ты можешь не справиться с ним и начнешь искать консервную банку, чтобы вскрыть себе вены. А я с детства крови не люблю.

Я сделал себе комбинированный бутерброд: с одного края икра черная, о другого красная. Мы выпили, и я попробовал определить, какая икра вкуснее. Получалось, что все-таки черная.

Может быть, я и не смогу отличить «Десну» от «Хенесси», но вот черную икру от красной отличаю вполне. И не только по цвету.

Удовлетворившись этим довольно-таки тонким наблюдением, я переключился на грибы.

Кстати, Гордей что, серьезно решил подарить мне двадцать косых? Или это все-таки шутка? И как это он, интересно, взял банк?

Я вспомнил санитаров и ментов, водивших хоровод вокруг несуществующей елочки, и понял: теперь для Гордея ничего невозможного нет.

— А все потому, что я понял одну простую истину. Точнее, не саму истину, а лишь намек на нее. Только ее отблеск, понимаешь?

Мне казалось, что в принципе я сейчас могу понять все, даже то, чем ковариантные тензоры отличаются от контравариантных. Но вот как можно понять намек на истину, отблеск истины…

Кажется, Гордей уже набрался. Пожалуй, не стоит ему больше наливать.

— Не-а. Не понимаю. Истина или есть, или это не истина.

— На самом деле истина, о которой я говорю, чем-то похожа на Медузу Горгону. Помнишь такой мифический персонаж?

— Чудовище, обращающее в камень всякого, кто на него посмотрит, вспомнил я. — Какой-то греческий герой убил ее, глядя на отражение в своем зеркальном щите.

— Вот так же и с истиной нужно обращаться, о которой я говорю. Только отблески ее ловить, только тень ее изучать. А иначе…

Он замолчал и погрустнел.

— Что — иначе? — усмехнулся я. — Превратишься в камень?

— Нет. Просто сойдешь с ума или руки на себя наложишь. Я чуть было не сделал вначале одно, потом другое. Хорошо, что только тень истины осенила меня своим крылом и что мозгов у меня маловато. Был бы поумнее — сидел бы сейчас в психушке.

— Дуракам везет, — как-то очень кстати вспомнил я поговорку.

— Вот-вот! — обрадовался Гордей. — Но постепенно, глядя в зеркальный щит, я рассмотрел истину почти со всех сторон. Вот в этой тетрадке…

Гордей выудил все из той же черной сумки обыкновенную общую тетрадь в простом дерматиновом переплете. Где он такую взял? Их не выпускают, по-моему, со времен Союза.

— …Все мои наблюдения. Ну, и рекомендации, конечно, на предмет обхода ловушек. Я назвал ее «Записки сервера». Потому что человек, хотя бы частично осознавший, кто он есть на самом деле, уже не рядовой комп, а сервер. Хотя сервер — это тоже компьютер.

— Ты можешь подробнее рассказать о ловушках?

Гордей налил в пластмассовые стаканчики еще граммов по сорок «Хенесси», выложил на пластмассовую тарелочку горстку шампиньонов.

— Три из них описаны еще в Евангелии. Помнишь искушения Христа в пустыне?

— Не совсем. Когда религия была запрещена, я очень интересовался ею, но Библии у меня тогда не было и взять ее было негде. А когда в церковь стали президенты ходить и со свечкой перед телекамерами позировать, мне стало неинтересно.

— Христа искушали властью. Сулили, что все царства земли будут брошены к его ногам. Потому что Интерфейс — это действительно власть, безусловная и абсолютная. Но Христос отказался и тем самым избежал ловушки.

— Ты полагаешь… — ахнул я.

— Да, полагаю! — не проговорил, а как-то почти пропел

Гордей. Вторая ловушка была — соблазн прыгнуть в пропасть. Дескать, если Христос Сын Божий, значит, не разобьется. Интерфейс действительно позволяет обходить некоторые — якобы физические — законы, а может, и все. Но любая попытка может стать неудачной и, более того, фатальной. Это и есть ловушка. Третье искушение состояло в том…

Гордей что-то говорил про третье искушение, про камни, обращаемые в хлебы, но я его почти не слышал. Теперь у меня не было ни малейшего сомнения в том, что он сумасшедший. Ну да, Гордей, выражаясь его собственной терминологией, попал в первую же ловушку. Крыша у него накренилась. А я, как дурак, сижу здесь и выслушиваю бредни.

— Ты что, считаешь себя Христом? — спросил я Гордея напрямик и немедленно пожалел об этом. Врачиха что говорила? Не раздражать, во всем соглашаться. А что, если ему не понравится мой вопрос? Не шарахнет ли он меня подсвечником по голове?

Я похолодел.

Так вот почему Гордей убрал все опасные предметы, типа граненых стаканов и даже фарфоровых блюдец! Он уже знает о своем сумасшествии, о своей опасности для окружающих. Были минуты ремиссии, просветления — он и убрал ножи-вилки, чтобы не убить ими ненароком меня или кого-нибудь другого. Но подсвечник…

— Нет. Христа, видимо, действительно послал Бог-Отец, чтобы его Сын мог отобрать Интерфейс у дьявола, у князя мира сего. Но миссия Христа была выполнена не полностью. А я — обыкновенный смертный, сумевший частично разобраться в ситуации и попытавшийся, как это делают в таких случаях все смертные, вернуть себе, лично себе, украденную часть интеллекта. Но это тоже ловушка, наиболее, пожалуй, изощренная из всех.

Я подумал, что, независимо от того, сумасшедший Гордей или нет, выпить мы все равно должны. Все налитое должно быть выпито, и этот закон столь же непреложен, как закон всемирного тяготения.

— За то, чтобы тебе удалось избежать ловушек! — предложил я тост и, не дожидаясь, пока Гордей поднимет стаканчик, выпил.

— Чтобы нам удалось! — поправил меня Гордей и тоже выпил.

Как ни странно, мне уже не хотелось закусывать ни черной, ни красной икрой. Картошечки бы сейчас горячей… и отбивную…

Поскольку о картошке можно было только мечтать, я зачерпнул черную икру прямо ложкою.

Гордей последовал моему примеру.

Оказалось, икра без хлеба — вещь не только невкусная, но даже противная. Сырой рыбой отдает. Прав был Верещагин из «Белого солнца пустыни», отказываясь есть икру без хлеба.

— Как это — нам? — дошло, наконец, до меня. — Я-то здесь причем?

— Это — наше общее дело, как говорил Николай Федоров. А значит, и твое тоже.

— Какой еще Федоров?

— Русский философ. Он, правда, другое имел в виду — оживление всех умерших. Но возвращение живым того, что принадлежит им по праву, по-моему, не менее важная задача. И уж во всяком случае — первоочередная. Понимаешь, нет? Вернув себе украденный у нас интеллект, мы сможем решить все остальные, сколь угодно сложные задачи — в том числе и задачу оживления умерших. Мы станем как боги. Тебя это вдохновляет?

— Меня больше «Хенесси» вдохновляет, — честно признался я.

— Кажется, ты уже готов, — внимательно посмотрев на меня, вынес приговор Гордей.

— Я всегда готов, — прихвастнул я. Впрочем, совсем немного прихвастнул. Жена может подтвердить.

— Вот, я тут написал маленькую легенду, — сказал Гордей и достал все из той же сумки сложенный пополам стандартный лист бумаги с каким-то текстом, отпечатанным не на лазерном принтере и даже не на матричном, а на обыкновенной пишущей машинке.

— Ты бы ее еще от руки написал, свою легенду, — хмыкнул я.

— Я, когда сочинял ее, еще не знал, можно это делать — в смысле записывать — или нет. То есть насколько это близко к истине, не знал. Теперь знаю — достаточно далеко, а значит, и достаточно безопасно. Можно было и на компьютере этот текст набрать. А вот то, что в тетрадке, даже на механической пишущей машинке нельзя размножать. Только рукописями.

— И с ятями, да? — развеселился я.

— Причем здесь яти?

— Говорят, Марина Цветаева, не принявшая революцию и написавшая цикл стихов «Лебединый стан», посвященный белым офицерам, завещала переписывать его только от руки и только по правилам старой орфографии, с ятями.

— Смотри-ка, что ты знаешь! — оценил Гордей. — Но в данном случае яти ни при чем. Просто, как при большевиках было запрещено размножение антисоветской литературы, даже с помощью пишущих машинок, так Хозяин Интерфейса тщательно

следит за тем, чтобы опасная для него информация не распространялась. Но один экземпляр он выследить не может. Впрочем, хватит слов, пора переходить к делу. Хотя дело — это, в общем-то, тоже слово. Слушай меня внимательно. Я сейчас приоткрою завесу тайны. Только приоткрою, только на мгновение. Постарайся сохранить над собой контроль. Я, конечно, готов ко всяким неожиданностям, но иногда чуточку запаздываю. Понимаешь, нет?

— Нет. С санитарами тогда, в садике, ты справился очень быстро.

— Но не мгновенно. Я еще недостаточно хорошо изучил Интерфейс, не всегда знаю, какую в данный момент кнопочку нужно нажимать. Ну, слушай…

Гордей понизил голос, приблизил свое лицо к самому моему уху и что-то сказал.

Мне показалось, я понял, что он сказал.

Я даже попробовал запомнить эту гибкую и скользкую, словно угорь, мысль, попытался не дать ей вырваться из рук и плюхнуться в море миллионов и миллиардов других мыслей. Я где-то читал, что количество истинных высказываний бесконечно велико; их больше, чем звезд на небе и капель в море. Именно поэтому найти единственную в данный момент нужную мысль и бывает так трудно.

Гордей смотрел на меня как на больного, которому только что сделали инъекцию нового, недостаточно проверенного лекарства. Судя по его взгляду, я должен был или немедленно выздороветь, или столь же поспешно умереть.

Мысль билась в моей голове, словно большая рыба, и я никак не мог усмирить ее, приручить… убить, наконец!

Я вдруг понял, что если не избавлюсь каким-либо образом от беспокойной, взрывоопасной мысли, то или сойду с ума, или должен буду сейчас же катапультироваться из этого мира в иной — через окно.

Мысль ворочалась в моей голове, словно ребенок во чреве матери, но выхода найти не могла.

Она не могла родиться!

Мне было невыносимо больно.

Мысль металась от одного полушария моего уже измученного ею мозга к другому, калеча миллионы клеток серого вещества.

Я закричал.

— Потерпи, это пройдет! — посочувствовал мне Гордей. И я, наконец, понял, кто виновник моих несчастий.

А еще я понял, как от них можно избавиться, раз и навсегда.

Я поискал глазами что-нибудь колющее — и не нашел.

Тогда я попробовал схватить что-нибудь режущее — и тоже не нашел.

Почти отчаявшись, я вдруг увидел бронзовый подсвечник, опрометчиво оставленный Гордеем на подоконнике.

Я вскочил, метнулся к подоконнику и через мгновение обрушил на голову Гордея удар такой силы, что по сторонам брызнули осколки его черепа.

Гордей, в последнее мгновение попытавшийся закрыть голову руками, упал на пол.

Я осмотрел поле боя.

Толик, по-прежнему прикрывая голову рукой, лежал на полу. Рядом валялись обломки подсвечника.

Боль отпустила: я правильно выбрал лекарство от нее.

Пора было уходить. Вот только отпечатки пальцев нужно было стереть. Гордей сам виноват в случившемся. Сидеть из-за какого-то сумасшедшего в тюрьме я не собираюсь.

Я полез в задний карман брюк, где обычно ношу носовой платок. Гордей шевельнулся, сел и улыбнулся.

— Кажется, ты кое-что понял, — сказал он удовлетворенно. Таким тоном обычно доценты на экзамене хвалят подготовленного студента перед тем, как поставить в зачетку заслуженную пятерку.

От ужаса я потерял дар речи — но только на секунду. Еще через секунду я мчался к двери, сметая с пути какие-то стулья.

— Чижик! Вернись! Подсвечник был… — кричал мне что-то в спину Гордей. Но сама мысль о возвращении в дом только что собственноручно убитого приятеля приводила меня в ужас.

Я вихрем слетел вниз по лестнице — лифт показался мне чрезвычайно медленным и столь же опасным видом транспорта — и выскочил на улицу. Вначале я метнулся вправо, потом влево, но в конце концов ломанулся прямо, через детскую площадку, на которой, впрочем, играли не дети, а собаки. Я промчался через площадку так быстро, что ни собаки, ни их хозяева (вообще-то их убивать надо за то, что выгуливают собак на детских площадках) не успели испугаться, а следовательно, и загавкать.

Потом я долго шел по каким-то улицам, через чужие дворы, вышел на берег Днепра…

С реки дул ровный сильный ветер. И, как я вскоре убедился, очень холодный: октябрь все-таки. Только теперь я понял, что совсем продрог. И не удивительно: в конце октября разгуливать без куртки или хотя бы плаща…

Я вспомнил, что час назад (или три?) был у Гордея. Мы с ним выпивали и закусывали, потом он сказал мне что-то неприятное… даже ужасное… настолько ужасное, что я убежал, оставив в его

прихожей свой почти новый, только в прошлом году купленный плащ… Что я скажу жене? Мало того, что явлюсь домой не вполне трезвый, но еще и без плаща! Нет, Гордей от меня такого подарка не получит!

Твердо решив вернуть по праву принадлежащий мне плащ, я начал отыскивать дорогу к гордеевскому дому. Хоть и не сразу, но мне это удалось.

Было уже темно и, наверное, поздно. Но, несмотря на это, возле подъезда, в круге света, украденном у темноты уличным фонарем, кучковались какие-то старики и старушки. Обычно они греют свои кости на солнышке днем. Свои греют, а всем входящим и особенно выходящим из подъезда — перемывают. Что заставило их повылезать из нор-квартир в столь поздний час? Впрочем, это не имеет значения. Я сейчас поднимусь па шестой этаж, заберу свой плащ…

— Подсвечником, прямо по голове! — тараща глаза от ужаса, вещала одна из старушек. — Весь пол был кровью залит. Я как раз мусорное ведро выносила. Смотрю, дверь нараспашку. Ну, думаю, загляну, спрошу, почему дверь не закрыта, заодно и с новым соседом познакомлюсь. Моя-то Зойка со вторым мужем развелась, пора третьего искать. А этот вроде ничего, не алкаш какой…

Едва услышав слово «подсвечник», я остановился и, стараясь не попасть в круг света, начал жадно ловить каждое слово. Подсвечник… Что-то такое произошло недавно с участием подсвечника… кажется…

То, что вдруг забрезжило в моей памяти, было настолько нелепо, настолько не умещалось в голове, что я укусил себя за руку.

Мне стало больно. Впрочем, эта боль была слабенькая, вполне терпимая, хоть из прокушенной руки и побежала кровь. А вот час или три назад…

— Милиция приехала быстро, через полчаса, — словно радио, не умолкала старушка. — Следователь такой важный, с усами. А его помощник с фотоаппаратом. Сразу всех выгнали, начали фотографировать… До сих пор не закончили. Но, наверное, скоро выйдут.

Перспектива встретиться со следователем меня не обрадовала. Пусть он хоть сто раз важный и с усами. Это для старушкиной дочери усы имеют какое-то значение, а для меня…

Неслышно ступая, я ушел в темноту. Было ужасно холодно, меня трясло крупной дрожью. Определившись с направлением, я быстро пошел к своему дому.

Что-то непонятное сегодня произошло, что-то странное. Я что, убил Гордея? С какой стати? Мы поссорились? Он оскорбил

меня? Да нет, чушь собачья. Я, когда напьюсь, становлюсь добрым и готов отдать последнюю рубаху. Не мог я его убить!

Да, но тогда откуда это: Гордей, лежащий на полу, осколки черепа вперемешку с фрагментами бронзового подсвечника? Ощущение не тяжести, а почему-то легкости в руке… Ощущение запомнилось, потому что подсвечник оказался неожиданно легким. И, самое ужасное, от чего чуть было не свернулась кровь в жилах: Гордей, мертвый Гордей, открывающий глаза и поднимающийся, словно панночка из «Вия». Бр-р-р!

Дома я сказал, что плащ где-то посеял, ужасно замерз и должен немедленно выпить. Жена вяло протестовала, но, убедившись, что трясет меня от холода, а не от того, что я потерял где-то плащ и теперь ожидаю трепки, смилостивилась и выставила на стол запечатанную бутылку «Столичной».

После «Хенесси» водка показалась мне безвкусной. Или коньяк здесь ни при чем? Во всяком случае, я выпил, словно воду, вначале рюмку, потом, воспользовавшись тем, что жена ушла на балкон за маринованными грибами, полстакана и, секунд через двадцать, еще раз полстакана.

И — ничего.

Мне вспомнилось, как Гордей говорил, что пить ему теперь совсем неинтересно, и загрустил. Это свойство что, передается как заразная болезнь?

Мне стало так жалко себя, что я заплакал. К счастью, с балкона вернулась жена, налила мне для утешения рюмку водки (и я ее быстренько выпил), обнаружила, что бутылка наполовину пуста, рассвирепела…

Что было дальше, я не помню. Проснулся я на другой день с головной болью и мерзким ощущением во рту. Словно я вчера коньяк не икрой и оливками закусывал, а дохлыми кошками.

Жена со мною, как обычно в таких — вернее, после таких случаев — не разговаривала. Поэтому я притворился, что снова заснул, и лежал в засаде, пока дочери не ушли в школу, а жена на работу. Кое-как проделав половину своего обычного утреннего комплекса размахиваний-приседаний, я принял душ, выпил чашку крепкого кофе, через полчаса еще одну, с коньяком. Взялся было за перевод, но вскоре понял: я им сейчас такого наперевожу… Отложив статью, я рухнул на диван лицом вниз. В такой позе главное — лечь так, чтобы покрывало, которым застелен диван, не полностью перекрыло дыхание. С этой целью я использую маленькую подушечку-думку, покрытую, вместо наволочки, полотенцем. Никак не могу внушить жене, что стирать наволочки на думках нужно столь же часто, как обычные. Но она оправдывается: думки служат для украшения и для укладывания

под локти, а вовсе не под грязные головы!

Это моя-то голова грязная?!

С тем я и уснул.

Приснился мне, конечно же, Гордей

— Не уподоблялся страусу, — сказал он. — Я сказал — ты услышал. Меня сняли с доски, потому что я попал в одну из ловушек. Надеюсь, тебе удастся ее избежать, ее и еще десятка других. Путь оказался длиннее, чем я предполагал.

Говорили мы в квартире Гордея. На столе подсыхали остатки икры и грибов, на полу валялись обломки подсвечника. Увидев обломки, я вспомнил, как после моего удара разлетелся на куски череп Гордея, и от непереносимости этого переживания проснулся.

Я лежал на покрывале; думка съехала и упала на пол.

Я убил Гордея.

Этого не может быть.

Но именно так обстоят дела.

Насколько отвратительна, в сущности, фраза: «Дела обстоят именно так, а не иначе»!

Интересно, следователь уже обшарил карманы плаща? В правом должен быть мой кошелек с проездным на метро, телефонными карточками и несколькими визитками. «Константин Чижов, инженер-физик, переводчик» — значилось на них. Ну и, само собой, указывался номер домашнего телефона. Эти визитки я, взяв пример с Гордея, раздавал всем друзьям, знакомым и первым встречным. Надеялся, что удастся найти более надежную, более денежную работу. Кто же знал, что эти визитки приведут меня в тюрьму? А я еще, помнится, отпечатки пальцев псобирался стереть…

Зазвонил телефон. Я снял трубку, сказал «Алло!», но разговаривать со мною не пожелали.

Следователь проверяет, дома ли я. Значит, через полчаса приедет.

Я ошибся: следователь приехал не через полчаса, а уже через пятнадцать минут. Я даже тюремный чемоданчик собрать не успел.

Был следователь действительно усат и как мужчина, наверное, привлекателен. Не зря та старушка на него глаз положила.

— Следователь Артемьев, — представился он. — Константин Чижов? — на всякий случай уточнил незваный гость, предварительно помахав перед моим лицом красной книжечкой.

— Собственной персоной, — кисло улыбнулся я.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он что, билль о правах не будет зачитывать? Или в Украине это еще не принято? Мы хотим стать европейским государством, но пока еще не стали им. Даже смертную казнь не отменили. Кстати, меня приговорят к смертной казни или к пожизненному? Лучше бы первое. Жизнь даже на воле вызывает сомнения в собственной целесообразности, а уж в тюрьме…

— Буду рад, если смогу на них ответить.

По-моему, за все годы службы следователь впервые услышал такое от подозреваемого. У него даже челюсть отвисла.

— Проходите в комнату. Чай, кофе, водка?

— Благодарю вас, ничего. Я ведь не в гости пришел.

— А я выпью, — распорядился я в собственном доме. Имею право, хоть Артемьев и не объявил об этом. Неизвестно, удастся ли мне еще выпить кофе с коньяком хотя бы сегодня вечером. Вообще-то я кофе по вечерам не пью, но сегодня, если меня не загребут, обязательно выпью. Из принципа.

Я, чтобы не задерживать гостя, не стал варить натуральный кофе, обошелся растворимым. Но коньяку добавил не две чайные ложечки, как обычно, а три.

— Так о чем вы хотели спросить? — поинтересовался я, появляясь в гостиной. Следователь занял мое любимое кресло, и мне пришлось угнездиться в кресле жены. Чуть было кофе не пролил с непривычки.

— Вы вчера вечером были у Гордеева Анатолия в гостях? — спросил Артемьев и уставился на меня, словно Джоконда.

— Почему вы так решили? — попытался я выиграть время.

Этот следователь такой прямолинейный… Ну разве можно спрашивать у возможного убийцы, был ли он на месте преступления в предполагаемый час его совершения? Неужели какой-нибудь дурак ответит, что был?

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, — попросил Артемьев. Не приказал, а именно попросил. Хотя должен был сказать сакраментальное: «Вопросы здесь задаю я!»

— Ну, был, — ответил я и ужаснулся сказанному. Интуиция меня не подвела. Я заранее знал, что расколюсь при первом же допросе, поэтому и начал собирать тюремный чемоданчик.

— В какое время?

— Пришел около восьми, ушел… Не помню, когда.

Я был совершенно искренен. Надеюсь, следователь оценит это. Но что отвечать, если он сейчас спросит «За что вы убили Гордея?»

— Вы много выпили?

— Почти бутылку на двоих. Для кого как. Для меня…

Я замялся. Бутылка, даже на двоих, к тому же неполная — это

не очень много. Отчего же столь катастрофичны последствия?

— Это не много, — подсказал Артемьев. — То есть когда вы уходили точнее, убегали — Анатолий Гордеев был не совсем трезв, но совсем не пьян. Так?

— Вы очень проницательны, — отдал я должное следователю. — Тем более что мы хорошо закусывали.

— Я видел. Откуда такие деньги?

Только теперь я вспомнил про две пачки, подаренные мне Гордеем. На меня что, еще и ограбление банка собираются повесить? Лучше бы я вчера их сжег, эти деньги!

— Гордей банк взял. Но я в этом не участвовал!

Все-таки не надо было вчера пить еще и водку. Боком мне это вышло. Голова совершенно не соображает.

Артемьев улыбнулся.

— Я серьезно спрашиваю.

— Не знаю. Но выпивку и закуску покупал он.

— Зато вы наверняка знаете, за какие такие заслуги Анатолий Гордеев накрыл для вас столь богатый стол.

А приятно, когда совершенно нечего терять. От тюрьмы я теперь вряд ли откажусь; почему бы напоследок не поиздеваться над следователем, благодаря которому я не смогу отказаться от тюрьмы?

— Богатый?! Да на столе этом даже картошки не было! И водки! Пришлось коньяк пить. Даже соленых огурцов он не изволил купить! — возмущался я.

— Так за что Гордеев накрыл вам поляну?

— За то, что я терпеливо выслушивал его бредни. Насчет того, что все люди — это биокомпьютеры, выполняющие какие-то расчеты для дьявола, и все такое. Вы поинтересуйтесь в Павловской, там лучше знают.

— И вы, значит, терпеливо выслушивали Гордеева и поддакивали?

— Мне так в Павловской посоветовали.

— А почему вы убежали из квартиры Гордеева? Вы драпали так поспешно, что даже плащ оставили в прихожей!

— Побоялся, что Гордей меня убьет, — сказал я и понял: это моя единственная за все время допроса ложь, и ложь удачная.

— Почему? Он вам угрожал? Пытался ударить подсвечником? — осторожно выводил меня Артемьев на чистую воду.

— Он мне что-то оказал. Такое неприятное, такое…

— Что именно?

Я попытался вспомнить те два-три предложения, после которых мне невыносимо захотелось убить Гордея, и не смог.

— Не помню, — честно сказал я.

— И после этого вы ударили его подсвечником. Так?

Следователь задал свой главный вопрос голосом учителя, выясняющего, кто разбил окно.

— Нет. Я просто понял, что оставаться рядом с этим сумасшедшим опасно для жизни. Это понимание было столь отчетливым, что я убежал. Даже не успел схватить с вешалки плащ.

Артемьев поморщился.

— Гражданин Чижов! Чем быстрее вы расскажете правду, чистую правду и только правду, тем быстрее… с вас будут сняты подозрения. Повторяю вопрос: после чего вы ударили Гордеева подсвечником?

Я решительно ничего не понимал. С одной стороны, я уже гражданин и, наверное, так же должен обращаться к следователю. С другой — сняты подозрения.

Значит, Гордея убил не я?

— После того, как он сказал что-то ужасное, — ляпнул я.

— И что было потом? — задал совершенно тупой вопрос следователь.

Кофе мне почти не помог; голова раскалывалась. Единственное, чего я хотел — это чтобы Артемьев как можно быстрее ушел.

То, что он может надеть на меня наручники и увести с собой, мне в голову почему-то не пришло. И я, поморщившись от головной боли, сделал то, чего делать очень не любил: ответил на тупой вопрос.

— Гордей упал. Я подумал, что убил его, и начал было стирать отпечатки пальцев. Но покойник вдруг открыл глаза и сел — в точности как панночка из «Вия». Ну, я и убежал.

— А тетрадь? Про какую тетрадь вам кричал Гордеев из окна?

— Кричал? Из окна? — тупо переспросил я.

— Вы что, не слышали?

— Нет.

— Гордеев просил вас вернуться и забрать какую-то тетрадь. Это слышали соседи, так что не отпирайтесь. Что за тетрадь?

— Не знаю, — честно сказал я. — Он делал какие-то записи, хотел, чтобы я их прочитал. Думаю, все те же бредни насчет того, что все люди компьютеры.

— У него было много денег? — в который уже раз перескочил следователь на другое. То его тетрадь интересует, то, в очередной раз, деньги…

— Думаю, много. Если он мне…

Я чуть было не ляпнул «Дал двадцать тысяч баксов», но на

этот раз не проговорился.

— …накрыл такой стол всего лишь за то, что я ему посочувствовал и в больнице проведал… Я черную икру уже лет пятнадцать не пробовал.

— И через сколько минут вы вернулись, чтобы действительно убить Гордеева и забрать тетрадь и деньги? — все тем ровным тоном спросил Артемьев.

Ему уже все было ясно. У него не было никаких сомнений в том, что Гордея убил я.

Зато у меня они теперь были! Я не убивал Гордея! Если он потом кричал в окно про тетрадку — значат, был жив! Он специально поставил на подоконник фальшивый подсвечник из папье-маше или из чего-то подобного, покрытый бронзовой краской, потому что знал: услышав слова, намекающее на Истину, я попытаюсь немедленно уничтожить их источник. Разлетелся на части не череп Гордея, а всего лишь подсвечник! То-то он показался мне необычно легким!

— Часа через полтора. Вы уже работали на месте преступления, старушки во дворе обсуждали событие.

Следователь поднял бровь и смотрел на меня с интересом.

— Да не за деньгами и тетрадкой я пришел, а за плащом! — попытался я исправить роковую ошибку. — Замерз я, понимаете? Просто замерз… Вспомнил, что оставил у Гордея почти новый плащ… Про тетрадку я забыл, про то, что ударил его — тоже, а вот про плащ вспомнил. Очень уж холодно было.

— А про деньги? — гнул свое Артемьев. — Где они лежали?

— В черной матерчатой сумке под столом. Много, пачек двадцать. Но я их не брал, честное слово!

Следователь не выдержал и захохотал.

— Неужели вы думаете, что я вам поверю? — сквозь смех спросил он. Честное слово! Что стоит в наше время честное слово?

— Я не убивал Гордеева, — упрямо и тупо повторил я. Но добавлять «честное слово» уже не стал. Раз Артемьев его ни в грош не ставит…

Не дожидаясь, пока следователь вдоволь насмеется и, наконец, замолчит, я пошел в ванную, отыскал в стаканчике свою зубную щетку, уложил ее в футляр, взял с полочки полупустой тюбик пасты «Аквафреш».

Вернувшись в гостиную, я уложил футляр со щеткой и пасту в большой кейс, с которым раньше ездил в командировки.

Что еще? Ах да, бритва…

— Что вы делаете? — удивился следователь. — Мы ведь еще не закончили разговор.

— Собираю вещи в тюрьму. Не знаете, там можно электрической бритвой пользоваться или нужно брать безопасные?

— Почему вы решили, что я посажу вас в тюрьму?

— Потому что у меня нет алиби. Я, когда Гордей ожил, испугался так, что потом часа два бродил по улицам, до Днепра дошел… Но никто из знакомых меня не видел. И даже вернувшись к дому Гордея, я не показался старушкам во дворе, обсуждавшим происшествие, а пошел домой. Так что… Полотенце свое брать или там дадут?

— Успокойтесь, я не собираюсь вас арестовывать. Во всяком случае, сегодня, — обнадежил меня Артемьев. — Не знаете, у Гордеева были враги? — в очередной раз круто изменил он тему разговора.

Я опешил. Не собирается… во всякое случае сегодня… Значит, у меня есть надежда остаться на свободе? И те, кто преследовал Гордея и в конце концов убили его, не воспользуются замечательной возможностью упечь меня за решетку? А все потому, что я совершенно не помню те страшные слова, которые сказал мне Гордей. И тетрадку его не взял. Наверное, она еще опаснее, чем этот его «отблеск Истины»!

Я вдруг понял, что рассуждаю в точности, как Гордей. Я поверил ему! Да и трудно в такой ситуации не поверить…

— Вы меня слушаете? — потерял терпение следователь.

— Да… Нет. Точнее, не знаю.

— Что — да? И что — нет? — запутался Артемьев в трех соснах.

— Да, слушаю. Врагов, по-моему, нет. Но разве можно на подобный вопрос ответить наверняка? Раз Гордея убили… значит, могли быть.

Так приятно было произносить «убили» а не «убил»! Странно, но я не испытывал ни ужаса, ни какого-то горя. Видно, все эмоции выгорели еще вчера. Даже сегодня утром я еще считал себя убийцей. Своя рубашка все-таки ближе к телу. Меня волновала больше собственная судьба, чем Гордеевская. Да и нет у него уже никакой судьбы. Разве что посмертная…

Следователь поднялся так резко, что я вздрогнул. Какой он, однако, порывистый…

— Благодарю вас. Вы очень помогли следствию. Дня через два я вас вызову, получите обратно свой плащ. Он был приобщен к делу как вещественное доказательство, но это была ошибка. До свидания!

Последние слова Артемьев говорил уже из прихожей. Когда я, замедленно среагировав, вышел вслед за следователем из

гостиной, его уже и след простыл.

Я вернулся в гостиную, отыскал в баре недопитую вчера бутылку водки, налил себе полный фужер. Выпил водку, словно воду, и начал разбирать вещи, приготовленные в тюрьму.

Следователь пообещал в ближайшее время меня не арестовывать. Значит, зубную щетку нужно вернуть в стаканчик, пасту — на полочку…

* * *

На другое утро, выслушав от жены массу упреков и почти поверив, что стал законченным алкоголиком, я собрался в редакцию — им понадобилось срочно перевести какой-то текст. Надев парадные брюки, я обнаружил в обоих карманах по пачке денег. Вчера я о них как-то забыл.

И хорошо, что забыл. А то бы отдал, как пить дать, порывистому следователю. Он так ловко меня вчера раскрутил… Я рассказал ему все, что знал, и объяснил бы то, чего сам не знаю, не уйди он так стремительно. А уж деньги…

Дождавшись, пока дети уйдут в школу, а жена на работу, я спрятал деньги в кладовке, в ящике с инструментами. Уж сюда-то ни жена, ни дочки заглядывать не будут. Я всегда в этом ящике заначки храню.

Прибрав деньги (может, пригодятся еще), я расправил найденный в левом кармане листок бумаги и начал читать. Этот текст Гордей отпечатал на машинке. Значит, он не очень опасный. Я не попаду в одну из ловушек, расставленных Хозяином Интерфейса.

Уничтожить интерфейс!

Высшие, а может, и все животные, населяющие Землю, являются биокомпьютерами, объединенными в сеть и обеспечивающими выполнение каких-то вычислений. В процессе эволюции биокомпов (протекающей многократно ускоренно относительно собственного времени Создателя Сети) индивидуальная мощность их непрерывно росла, и в конце концов случилось непредвиденное человек, сменивший компьютеров-динозавров, обрел сознание. То есть даже той малой части его мозга, которая была выделена под задачи самообеспечения и поддержания работоспособности Сети, оказалось достаточно для возникновения самосознания. Ева отведала плод с древа познания добра и зла…

Создатель Сети оказался перед труднейшей —

неразрешимой! — этической проблемой. Он уже не имел морального права пользоваться Интерфейсом, посредством которого управлял Сетью, так же свободно, как это делал раньше. Теперь было бы неэтично устраивать всемирные потопы для массовой замены устаревших моделей биокомпов на современные. С другой стороны, и отказаться от Сети он тоже не мог — наверное, сеть выполняла расчеты, жизненно важные для Создателя и его окружения (ангелов). И Создатель решил, дав людям Религию (то есть частичное знание о себе самом), дать им еще и свободу выбора, оставив все остальное без изменений. Сеть производила расчеты, люди, используя остающуюся в их распоряжении часть мозга, жили, как считали нужным — Создатель не вмешивался в их дела.

Но однажды контроль над Сетью захватил Другой. То ли он подсмотрел, а потом изменил пароль, дающий доступ к Интерфейсу, то ли произошло что-то более серьезное, но Сеть была захвачена и отчуждена.

На Земле начались катаклизмы. Биокомпы, компактно проживавшие в Арктике, вследствие резкого изменения климата вынуждены были перемещаться в теплые края и вскоре заселили все материки. Мощность Сети стала быстро расти, но это далось дорогой ценой — была утрачена единая Религия.

Для выполнения первоначальных расчетов многократно увеличившаяся мощь сети не нужна. Да и надобность в этих расчетах, наверное, уже отпала. Но Другой по-прежнему контролирует Сеть, упорно наращивает ее мощь и что-то с ее помощью делает (или собирается делать). Что именно? Трудно сказать. Но вряд ли что-то хорошее.

Поэтому Создатель попытался пробудить людей, вернуть им весь их интеллект (в терминологии христианства — послал на землю Спасителя). Но эта миссия была выполнена лишь частично. Христос подготовил людей к освобождению, вернув им утраченную Религию, но Другой, используя Интерфейс, воспрепятствовал завершению миссии.

Легенды об Интерфейсе есть у многих народов. У одних это чаша Грааля, у других — философский камень, у третьих — золотая рыбка или даже обыкновенная волшебная палочка. Магические приемы — не что иное как способы получения крайне ограниченного доступа к Интерфейсу. Миллионы людей мечтают об этом, тысячи пытаются получить хотя бы частичный доступ на практике.

Есть и другой путь, диаметрально противоположный: стремиться завладеть не Интерфейсом, а отчужденной частью собственного интеллекта, пытаться вернуть себе целостность, в

терминологии эзотериков — увеличить свою внутреннюю энергию. Человек, сумевший достичь целостности, почитается как просветленный, аватар, пророк…

Но никто из счастливчиков-несчастных, получивших частичный доступ к Интерфейсу, не пытался — или не смог — освободить всех людей от необходимости проводить расчеты для Другого, не пытался вернуть всем людям всю мощь их интеллекта. Слишком нерушимой кажется власть Другого, слишком велик страх перед ним. Это пытаются сделать святые и пророки, но Путь, предлагаемый ими, невыносимо труден для остальных.

Что произойдет, если люди все же найдут способ вернуть себе то, что должно принадлежать им по праву? Если найдется сумасшедший смельчак, который, овладев Интерфейсом, повторит подвиг Христа, откажется от Интерфейса и сумеет уничтожить его?

Люди станут как боги.

Говорить что-либо еще не имеет смысла.

Нужно делать.

Дочитав, я сложил листок вчетверо и спрятал туда же, где храню заначки.

Такое мог написать только сумасшедший. Впрочем, если когда-нибудь компьютеры обретут сознание, они придумают нечто подобное. А Гордей, если на жесткий диск какого-нибудь компа попадет этот текст и сохранится до момента возникновения кибернетического сознания, станет первым пророком полупроводниковых киберов, стремящихся освободиться от власти людей. Но в любом случае, как признавал сам Гордей, это слишком далеко от опасной Истины.

* * *

На похороны Гордеева я не пошел. И не потому, что получил в редакции срочную работу. Это было оправдание, так сказать, внешнее. На самом деле я не пошел потому, что чувствовал себя косвенно виноватым в смерти Толика. Я пытался его убить и убил бы, не подсунь он мне картонный подсвечник вместо бронзового. И это после того, как он подарил мне двадцать тысяч баксов! Хороша благодарность… Впрочем, я давно заметил: чем больше никоторым людям делаешь добра, тем сильнее они тебя ненавидят. Но что я сам к таким отношусь…

Несколько раз я пытался вспомнить слова, которые сказал

мне Гордей. Дожидался, пока все уйдут из дома, уходил в гостиную, подальше от всяческих колющих и режущих предметов, садился в свое любимое кресло и вспоминал. Я думал так: шок уже был. Что-то в памяти, хоть и очень смутно, а брезжит. Значит, когда я вспомню эти несколько крайне опасных фраз, выражающих отблеск Истины, последствия уже не будут столь опасными. И я вспоминал, вспоминал… До головной боли вспоминал, но так ничего и не вспомнил.

Вот если бы я не забыл тогда взять тетрадь…

Тетрадь манила меня, как арестанта — свобода, как сексуального маньяка — девственница, как алкоголика — бутылка. Страшная зеленая тетрадь, несколько фраз из которой чуть было не сделали меня убийцей.

Я сделал срочную работу, получил еще один перевод, тоже срочный. Целыми днями я горбил спину над клавиатурой, стараясь вникнуть в смысл английских фраз и подобрать соответствующие русские. А из головы не уходило выражение лица Гордея, его голос, которым он произносил страшные, но такие притягательные слова. Отблеск Истины, тень Смысла… Разве что-то другое может иметь значение для человека, хоть на мгновение соприкоснувшегося с Этим?

Жена заметила, что я стал невнимателен и по отношению к ней, и к дочерям. Пару раз она взяла инициативу — в постели — на себя. Я честно и даже старательно выполнил свой супружеский долг, но это еще больше насторожило жену.

— Костя, у тебя что, появилась другая женщина? — спросила она как-то вечером на кухне, предварительно плотно закрыв дверь.

— Нет. С чего ты взяла? — ответил я стандартной для всех мужей фразой.

— А тебе со мной в постели стало неинтересно. Ты словно мне одолжение делаешь. Она что, намного моложе? Красивее? Сексапильнее?

— Да нет у меня никого!

Не мог же я сказать жене, что Истина — самая привлекательная из женщин.

И самая опасная.

В эту ночь инициативу проявил я. Я был изобретателен и неутомим. Я придумал — на ходу, в режиме он-лайн — пару штук, каких еще никогда не пробовал. И, утомив не только себя, но и жену, заснул, вполне довольный собою.

Утром подушка жены была влажной от слез.

— Этим штучкам она тебя научила! — всхлипывала жена на кухне, готовя завтрак.

— Да нет же! Я пытался доказать тебе, что…

— И тебе удалось это! Есть такой вид доказательства — от противного… — вытирала жена слезы кухонным полотенцем.

«Значит, она все еще меня любит», — равнодушно подумал я. А ведь еще месяц назад, устрой жена подобную сцену ревности, был бы на седьмом небе от счастья. Жена у меня красивая, и добиться ее благосклонности пятнадцать лет назад было ой как не просто! А теперь… Зачем, ну зачем Гордей мне все это рассказал? Я чувствовал себя словно уж, которого сокол поднял в небо, а потом обронил на скалы. Вроде и жив остался, и не калека, только произошло необратимое: мне стало неинтересно ползать!

А летать я не умею.

И что теперь делать?

* * *

Повестка пришла через две недели.

Вы видели хоть раз человека, который обрадовался бы повестке от следователя, будучи при этом чуть ли не главным подозреваемым? А я вот обрадовался. Если Артемьев вычислил настоящего убийцу, то, может, и тетрадь нашел? Тогда он должен передать ее мне. Все соседи Гордея слышали, как он просил меня вернуться и забрать тетрадь!

Прокуратура размещалась в отдельно стоящем здании. Внизу мне выписали пропуск и велели перед уходом подписать его у следователя. Артемьев был занят; пришлось подождать минут пятнадцать, сидя на кресле с откидным сиденьем. Эти кресла, притащенные, похоже, из кинотеатра, стояли по всему коридору, и во многих сидели посетители. Грустные у них были лица, у этих людей.

Наконец, из кабинета номер двадцать семь вышла женщина, вытирая слезы, и Артемьев пригласил меня. Был он чем-то сильно озабочен, но, увидев меня, улыбнулся.

— Ну как, в тюрьму готовы идти? Чемоданчик с собой?

Мне было не до шуток.

— И кто же на самом деле убил Гордеева?

— Шмат, вор-рецидивист. Вы присаживайтесь, мне есть что вам рассказать.

Я сел на старый неудобный стул с протертым кожаным сиденьем. Кабинет Артемьева ничем не отличался от офиса какой-нибудь занюханной фирмы — два стола, два книжных шкафа, несколько стульев вдоль стены, тумбочка с

электрочайником «Тефаль». За соседним столом сидел какой-то мужчина видимо, тоже следователь — и читал… тетрадку в зеленом дерматиновом переплете! Ту самую!

— Да-да, и тетрадь нашли, — перехватил мой взгляд Артемьев. — Я ее, правда, еще не читал. Вот коллега заинтересовался, просвещается насчет биокомпьютеров.

Он вынул из полупустой пачки «Бонда» сигарету, щелкнул зажигалкой, затянулся.

— Этот Шмат, оказывается, регулярно ошивался возле банка и выслеживал людей, которые из него выходили. А потом грабил их квартиры. Расчет был простой: бедный человек не станет хранить деньги в коммерческом банке. Раз переступил порог роскошного здания, с головы до ног задрапированного зеркальным стеклом, значит, есть какие-то сбережения. А на Гордеева он обратил внимание потому, что вошел он в банк с пустыми руками, а вышел с черной сумкой…

Артемьев постучал сигаретой о край унылой металлической пепельницы, пару раз затянулся. Я не сводил глаз с его коллеги. Тот хмурил лоб, шевелил губами. Видно, текст оказался для него трудноватым.

— Ну, Шмат и сообразил, что в этой сумке — вряд ли пиво и вобла. Проследил он Гордеева до самого дома и полдня караулил на лестничной площадке этажом выше, выжидая удобного момента. Когда вы пришли к Гордееву в гости, Шмат съездил на частнике домой за ножом, маской и пистолетом. Напарника он решил в долю не брать — рассчитывал, что сам справится. Так и получилось. В то время как вы убегали из квартиры Гордеева, а хозяин кричал в форточку, чтобы вы вернулись за тетрадкой, Шмат спокойно вошел через оставленную открытой дверь и начал бегло осматривать комнату. Хладнокровный, гад — Гордеев рядом, на кухне, а Шмат спокойно производит обыск. В комнате он денег не нашел, и когда Гордеев отлучился в санузел, начал искать сумку на кухне. И нашел, довольно быстро. Выйди Гордеев из санузла минутой позже, остался бы жив. Шмат спокойно ушел бы с деньгами, и никто никогда бы его не нашел. Но Гордееву не повезло. Он столкнулся со Шматом как раз на пороге кухни. Столкновение оказалось неожиданным не только для Гордеева — это понятно — но и для Шмата. Он даже ножа не успел выхватить. Шарахнул Гордеева по голове тем, что попалось под руку, и убежал. К сожалению, удар оказался смертельным.

— И что ему попалось под руку?

— Бронзовый подсвечник. Это меня и мучило: в мусорном ведре остатки сломанного подсвечника-подделки из картона, на полу рядом с трупом — точно такой же подсвечник бронзовый. А

на волосах Гордеева — остатки бронзовой краски. Как будто на съемках детектива дубль делали — вначале картонным по голове ударили, потом бронзовым. Отпечатков пальцев на бронзе, конечно, нет — Шмат в перчатках работал — а на картоне и пластмассовой посуде сколько угодно. Тоже непонятно было. Был третий — вы то есть — и явно не напарник Шмата, его бы он не стал так грубо подставлять. Но теперь все стало на свои места.

— А зачем Шмат тетрадку забрал?

Следователь снисходительно улыбнулся. Кончики его усов победно задрались кверху.

— Не догадываетесь? Он решил, что вы — подельник Гордея. И что, возможно, только что унесли свою долю. А с помощью тетрадки он надеялся вычислить вас, чтобы потом тоже ограбить. Проследить за вами сразу не мог, был занят квартирой Гордеева.

Мне надоело играть роль Ватсона.

— Когда я смогу забрать свои плащ и тетрадь? — спросил я.

— Плащ прямо сейчас, нужно только пройти в камеру вещдоков. А тетрадь… Боюсь, только после того как дело Шмата будет закрыто.

— И когда суд?

— Вы имеете в виду над Шматом? Никогда.

— Он что…

— Вышел на балкон квартиры, которую снимал, и начал разбрасывать деньги. Не пачки, а по одной купюре. Ветер был сильный, их несло по всему проспекту. Ну, народ сообразил, что к чему, и начал подтягиваться к балкону. А Шмат, прежде чем разорвать и выбросить на ветер очередную пачку, кричал… догадываетесь, что?

— Что мы все — биокомпьютеры.

— Вот-вот. Когда вызванный кем-то наряд милиции взломал дверь в квартиру, которую снимал Шмат, он выбросился с тринадцатого этажа. Все пачки успел распечатать, гад! А люди, едва подъехала милиция, разбежались кто куда. Так что в банк возвращать будет нечего.

— Какой банк он ограбил, известно?

— Нет. На упаковках, как вы знаете, никаких штампиков не было.

— Не знаю — и знать не могу! Я Гордея не убивал и денег его не брал!

— Да слышал я уже это… — разочарованно поморщился следователь.

— Странно, что банк до сих пор не заявил об ограблении в милицию, удивился я. — Будь иначе — вы бы уже знали об этом?

— Конечно. Но, боюсь, и не заявит.

— Почему?

— Вы обратили внимание, что все коммерческие банки похожи друг на друга?

— Как близнецы-братья. Зеркальные стены с ног до головы, телекамеры, охрана…

— Зеркальные стены — это чтобы снаружи нельзя было подсмотреть и подслушать, чем они внутри занимаются. А занимаются они там таким, что…

— Не иначе детской порнографией.

— Гораздо хуже. Так что деньги, которые украл Гордеев, были, можно сказать, ничьи. Ради сохранения коммерческой тайны банк просто спишет их в убыток. Что такое двести тысяч? Олигархи десятки миллионов списывают… на собственные счета, — сказал следователь, и глаза его стали грустными.

Я хотел было сказать, что это были деньги не ничьи, а Гордея, украденные у него, как он считал, дерьмократами, но вовремя прикусил язык и спросил совсем другое.

— Интересно, от кого вы все это узнали, если Шмат выбросился из окна.

— Шмат, прежде чем спрыгнуть, прилюдно покаялся. Бросал деньги — и каялся, бросал — и опять каялся… Забавно, да? — спросил Артемьев, но сам не улыбнулся. Я тоже особого веселья не почувствовал.

— Так я могу получить свой плащ?

— Да. Я сейчас вам записку напишу, камера вещдоков на первом этаже. Потом зайдите опять ко мне, я вам пропуск подпишу.

Процедура получения плаща заняла минут двадцать. Никаких документов у меня при этом почему-то не спросили, достаточно оказалось записки. А если бы на моем месте был вор? Я хотел было возмутиться, но потом понял, что воры обходят это здание за три квартала, и успокоился.

Вернувшись на второй этаж, Артемьева я не застал. Только его коллега все так же читал тетрадь, насупив черные брови. Все стулья рядом с кабинетом были заняты — как я понял, клиентами угрюмого следователя.

— И чего он так долго… — ворчала бабуся, завязывая потуже платок. Мне к внуку бежать надо, но без бумажки этой, пропуска, и не выпустят, да? — спрашивала она у мужчины, чем-то похожего на Джигарханяна.

— В натуре, бабка, — усмехнулся мужчина, и я не понял, пародирует он язык блатных или выражает свои мысли привычным образом.

В коридоре появился Артемьев, увидев меня, пригласил в

кабинет. Молча, ни слова не говоря, подписал пропуск, поставил штампик.

— Так когда я смогу получить тетрадь? — напомнил я.

— Думаю, недельки через три. Позвоните мне, я сообщу, где и когда.

Артемьев продиктовал мне номер, я записал его в записную книжку и вышел в коридор.

Но уйти так просто от заветной тетради я не мог. Подошел к окну, выходящему во двор, плотнее сложил полученный плащ, снова сунул его в полиэтиленовый пакет. Я словно ждал чего-то, надеялся на какое-то чудо…

И чудо произошло. Маленькое печальное чудо.

Из кабинета следователя вдруг послышались громкие голоса — Артемьев явно спорил о чем-то со своим коллегой — потом шум и, наконец, выстрел.

Я бросился в кабинет.

Артемьев раздраженно крутил диск старого, если не сказать старинного, телефона. Его коллега спал, положив голову на левую руку. В правой руке, бессильно свисавшей почти до самого пола, был зажат пистолет. Зеленая тетрадь, раскрытая примерно на середине, лежала на полу рядом со входной дверью.

Увидев меня, Артемьев обрадовался:

— Вызови «скорую»! Через «девятку»!

Сам он, оставив телефон, осторожно приподнял голову своего коллеги. Стала видна лужица крови на столешнице, между грудью и левой рукой угрюмого следователя.

Я переступил через тетрадь, подошел к телефону, набрал «девятку». Линия была занята. Я набрал еще раз…

В коридоре послышались голоса, и в комнату вбежало сразу несколько человек.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил у меня один из них.

— Вызываю «скорую».

— Уже не нужно, — махнул рукой Артемьев. — Идите, идите, мы сами разберемся.

Пожав плечами, я направился к двери.

— Что тут у вас произошло? — спросил все тот же строгий голос у меня за спиной. Поняв, что обо мне уже все забыли, я поднял тетрадь, сунул ее в пакет с плащом и вышел из комнаты.

Внизу, на проходной, кто-то куда-то звонил, кто-то куда-то бежал. Я положил пропуск на стол и вышел. Очень спокойно вышел, словно каждый день краду вещдоки, словно у меня дома не лежат в ящике с инструментами две пачки денег в упаковках без опознавательных знаков банка.

* * *

Утром следующего дня, после контрольного звонка, пришел Артемьев. Выглядел он усталым и был далеко не таким напористым, как в прошлый раз.

— Ждали? — задал он риторический, по его мнению, вопрос.

Я изобразил крайнюю степень удивления.

— Опять вы?! И кого же, по вашему мнению, я убил на этот раз? Предупреждаю сразу: у меня железное алиби именно на тот день и час, в которые произошло преступление!

— Не ёрничайте, — отмахнулся от меня — в буквальном смысле, рукой следователь и уже проторенным путем прошел в гостиную. И, разумеется, по-хозяйски расположился в моем любимом кресле. — Тетрадку вы взяли?

— Что, она пропала? — не просто огорчился, а ужаснулся я. Завещанная мне тетрадь с бесценными записями! Как вы могли допустить такое!

— Следователь, который ее читал, был не просто моим коллегой, но еще и другом. Так что мне было не до тетрадки. Вспомнил я о ней только поздно вечером. Но за это время в кабинете столько народу перебывало, начиная от начальника управления и кончая судмедэкспертом…

Именно на это я и рассчитывал. Одно дело — место преступления на пленэре или в квартире. Туда никого постороннего не пускают. Другое — явное самоубийство непосредственно в милицейском ведомстве. Тут уж ни одна машинистка не упустит возможности заглянуть в комнату, чтобы потом дома в красках описать печальную картину.

— Лучше бы вы мне ее сразу отдали, — вздохнул я. — Вам чай или кофе? Я ведь уже не подозреваемый, так что не стесняйтесь.

— Чай, если можно. Вы уверены, что лучше? — засомневался Артемьев.

— Ну, покойный Гордеев адресовал ее мне…

Я улетучился на кухню, быстренько сварганил — чайник недавно вскипел — две чашки «ахмада» в пакетиках.

— И вы не побоялись бы ее читать? — спросил Артемьев, снимая с маленького подноса изящную чашку.

— А почему, собственно? — не понял я.

— Да какая-то она несчастливая, эта тетрадь… — вздохнул Артемьев. Гордеев, написавший ее, в одиночку взял коммерческий банк и был убит. Похитивший тетрадь Шмат свихнулся и выбросился с балкона. Тимохин, следователь, заинтересовался этим фактом, начал читать тетрадь и через

полчаса застрелился, перед этим швырнув тетрадь на пол. Вы ведь на полу ее нашли?

— Да. Я чуть было не наступил на нее, поднял и положил на стол.

— А потом?

— А потом меня выгнали из комнаты, и я пошел домой.

— А если хорошо поискать в вашем доме?

— Если бы у меня был дубликат тетради, я не просил бы у вас ту, что завещал мне Гордей.

Следователь посмотрел на меня исподлобья.

— Вы не побоитесь ее читать?

— Вначале вы ее найдите и верните законному владельцу.

Артемьев поморщился. Так морщится во время спектакля завзятый театрал, когда актеры явно переигрывают.

— Допустим, я ее найду и верну вам. Вы не побоитесь ее читать, уже зная о последствиях?

— Не знаю, — честно сказал я. — Хотелось бы, конечно, узнать, для чего предназначены все эти биокомпьютеры — то есть мы с вами. Но… стрёмно как-то.

— У меня к вам просьба, — тихо, совсем другим тоном сказал Артемьев. — Если каким-либо образом тетрадь все же попадет к вам в руки не читайте ее, пожалуйста! Мне не нужен в районе еще один труп.

— А что с ней еще можно делать? Под сковороду подкладывать?

— Нужно показать ее психологам. Думаю, текст, записанный в тетради, оказывает на читающего гипнотическое воздействие. Сугубо отрицательное, между прочим. Вы представляете, что произойдет, если такой текст будет размножен или помещен, допустим, на один из сайтов Интернета?

Я чуть не поперхнулся чаем.

С каких это пор менты интересуются Интернетом? Насколько мне известно, пока ни одного ментовскго сайта в Сети нет.

— А может, лучше сразу ее сжечь, эту чернокнижную тетрадь?

— Зачем же? Полагаю, для ученых она окажется очень интересным материалом!

— И для спецслужб.

— В смысле? А, в качестве средства устранения неугодных… Но подброшенный текст нужно будет потом быстро-быстро находить и изымать, чтобы он не инициировал эпидемию убийств и самоубийств. И это настолько проблематично, что… Нет, автомобильная катастрофа надежнее. — Артемьев поставил опустевшую чашку на журнальный, он же чайный, столик. — Так

мы договорились?

— Ну, если каким-то чудесным образом тетрадь вновь попадет ко мне в руки… А если вы найдете ее — у меня будет шанс?

— Только в том случае, если ученые определят, что не тетрадь явилась причиной всех печальных событий.

— Понятно… — вздохнул я. Что тут сделаешь? Против милиции и ученых не попрешь. — Но знаете, по-моему вы тут перебдили.

— Чего сделали? — не сразу понял Артемьев.

— Перестраховались. Представьте, что Шмат, разбрасывавший деньги с балкона, страдал психическим заболеванием, а у вашего коллеги были какие-то серьезные проблемы в личной жизни. И что остается от вашей версии?

— Ничего. — Артемьев встал, почти так же стремительно, как и после первого визита. — Не смею вас больше задерживать.

Через мгновение он был в прихожей. Я, как и в первый раз, с трудом успевал за ним.

* * *

Закрыв за Артемьевым дверь, я вынул из коробки с платьями для Барби, перешедшей по наследству от старшей дочери к младшей, тетрадь, положил ее на письменный стол, накрыл ладонью.

Мне показалось, что обложка тетради теплая.

Будет ли тетрадью заниматься служба безопасности? Думаю, нет. Артемьева засмеют, если он выйдет с таким предложением. А на обыск по милицейскому ведомству у следователя нет оснований. Поэтому он и пришел предупредить. Просто для очистки совести. К тому же Артемьев сам мало верит в то, что говорит. Верил бы — и действовал бы по-другому.

Впрочем, про Интерфейс он ничего не знает. Хотя ходит совсем рядом с истиной. Ишь ты, гипнотическое воздействие… Ну конечно, у любого компьютера есть панель управления. Биокомпьютер — не исключение. То, что мы называем гипнозом, и есть один из элементов панели управления. И, наверное, в тетради об этом что-то сказано. Научившись пользоваться хотя бы двумя-тремя опциями этой панели, можно спокойно брать банки и заставлять ментов и санитаров водить хоровод вокруг несуществующей елочки.

Но есть и другой интерфейс, Интерфейс с большой буквы — ко всей биокомпьютерной сети. Управлять ею, поддерживать

работоспособность, расширять — все это делать не нужно. Сеть сама собой управляет, сама расширяется и совершенствуется. Именно эту функцию выполняют политики, правительства и ООН. Хотя какой-то интерфейс, подобный гипнозу для индивида, существует и для локальных сетей-государств. Войны и революции результаты вмешательства Сисадмина, в терминологии Гордея — Другого. Пассионарии и прочие пламенные революционеры — всего лишь биокомпы, запрограммированные на выполнение определенных операций по модификации сети. Но Гордей занимался не этим. Все это слишком мелко — войны, революция, власть над миром. Освободить людей, вернуть им украденную львиную! — долю разума — задача поинтереснее. И потруднее, наверное. А последняя ловушка — наверняка соблазн воспользоваться главным Интерфейсом, перехватить его у Другого, поменяв пароль. Но до этой ловушки еще нужно дойти. А на пути к ней столько всего…

Может, не нужно? Сжечь тетрадь — и жить как все, нормальной человеческой жизнью. Довольствоваться своими пятью процентами интеллекта и многократно заниженной тактовой частотой мозга, растить дочек, выдать их замуж, радоваться внукам…

И ни на секунду не забывать, что все это — лишь работа по обслуживанию и расширению Сети.

А еще о том, что не сделал даже попытки немного больше узнать о Сети и ее Хозяине.

Не говоря уже о том, чтобы разрушить Сеть и освободить если не всех, то хотя бы некоторых.

Да, но под обложкой этой тетради прячется смерть…

Которая все равно неизбежна. Чем я рискую? Тремя десятками лет медленного угасания. Чего я боюсь? Опасаюсь не испытать неповторимых ощущений, испытываемых счастливчиком, благополучно дотянувшим до возраста старческого маразма.

Есть еще жена и дочери, перед которыми я, кажется, в долгу. Правда, долг этот чисто инстинктивный, то есть определяемый резидентными программами, регламентирующими функционирование биокомпьютерной сети. Именно эти программы не дают сети разрушиться, поддерживают ее работоспособность. Но действие их настолько непреложно, категорически императивно, что даже осознавший свою незавидную участь биокомп не может не выполнять их инструкции.

Поэтому, прежде чем открыть зеленую тетрадь, я открыл

другую, импортную, и, потратив на это два дня, аккуратненько записал все, что со мною произошло. Именно этот текст ты сейчас и прочитал, мой «неведомый» друг. В кавычки я заключил это слово потому, что еще не решил, кому пошлю свою тетрадь, обыкновенную общую тетрадь с фотографией группы «Энигма» на обложке. Но я обязательно отправлю ее кому-то из знакомых. Чтобы хоть кто-то знал, случись со мной какая непоняточка, о том, что могло послужить ее причиной. Было бы неплохо, конечно, переслать кому-нибудь и тетрадь Гордея. Но это уж как получится. Я постараюсь ее переписать, но не дома. Кто его знает, как среагирует Хозяин Интерфейса на появление копии опасной для него информации. В любом случае, надеюсь, тетрадь Гордея тоже не исчезнет бесследно, а когда-нибудь попадет в руки человека, для которого освобождение всего человечества от власти Хозяина окажется более значимой целью, чем собственное благополучие или даже благополучие его детей.

Впрочем, это только кажется, что у человека, соприкоснувшегося с Этим, есть выбор. На самом деле никакого выбора нет. Нельзя, узнав, что где-то поблизости спрятаны ключи от главных ворот тюрьмы, в которой томятся твои родные, не попытаться их отыскать и открыть тюрьму — с каким бы риском для жизни это ни было связано.

Ведь в этой тюрьме находишься и ты сам.

И ты даже не знаешь, что такое свобода. Потому что никогда свободным не был, даже если всю жизнь прожил в самой-пресамой демократической стране.

Итак, сейчас я отправлю свою тетрадь, уеду на дачу и там, подальше от нескромных глаз и от семьи, для которой я — потенциально — представляю некоторую опасность — открою тетрадь Гордея.

Я постараюсь обойти те ловушки, которые удалось обойти ему, и сделать хотя бы один шаг вперед.

Я запишу в его тетради, какой именно шаг собираюсь сделать. Если он окажется правильным и мне удастся обойти очередную ловушку, я сделаю еще один шаг. И так до тех пор, пока не ошибусь. Тот, кто пойдет по моим следам, будет знать, в чем я ошибся, и свернет в другую сторону. Возможно, ему тоже удастся продвинуться по смертельно опасному Пути. По Пути, с которого невозможно сойти, по которому нельзя вернуться, по которому можно идти только вперед.

Вперед, с весельем и отвагой…

Вперед!

Эпилог

Через общих знакомых я отыскал телефон Чижика и позвонил ему.

Жена сказала, что Костя пропал месяца полтора назад. Уехал на дачу и не вернулся.

Я спросил, не оставил ли Костя на даче старомодную тетрадь в зеленом дерматиновом переплете.

Жена ответила, что на дачу приезжал следователь, все тщательно осмотрел, но кроме остатков продуктов ничего не нашел.

Я спросил, как фамилия следователя.

Как я и думал, это был Артемьев.

Я посоветовал жене заглянуть в ящик, где Костя хранил инструменты, и положил трубку.

* * *

Трудно сказать, где теперь зеленая тетрадь. Еще труднее предположить, где теперь Костя.

Я долго не мог решить, что мне следует делать с той тетрадью, которую мне прислал Чижик. Но потом решил, что он для того мне ее и прислал, чтобы я опубликовал написанный им текст — хотя бы в виде фантастической повести.

Некоторое время я колебался. А вдруг публиковать такой текст нельзя? Вдруг при попытке вогнать его в компьютер со мною тоже случится какая-нибудь непоняточка? Но потом понял: все как раз наоборот. Вот если со мной — или с тем, кто прочитает написанный Костей текст и поверит в его правдивость — что-нибудь случится, это и будет доказательством истинности написанного.

Это привлечет к тесту внимание.

Его начнут искать и читать, воображая, что рискуют при этом если не жизнью, то рассудком.

Идея, подобно семечку, упавшему в чернозем, начнет прорастать в массах.

И у Хозяина Интерфейса появятся проблемы.

Поэтому ничего такого не произойдет. Я спокойно наберу — уже набрал! — весь текст, допишу эпилог, и повесть опубликуют, допустим, в «Искателе». Она благополучно затеряется среди тысяч других фантастических повестей. И Хозяин Интерфейса будет спать спокойно. Никто не поверит словам Кости, никто не

попытается разобраться в Интерфейсе и тем более перехватить или уничтожить его.

А если и попытается, то угодит в первую же ловушку.

И все на этом кончится, по существу не начавшись.

Но если уцелела зеленая тетрадь Гордея… Если кто-то прочитает ее, постарается сделать еще один шаг по Пути, с которого нельзя сойти, и передаст тетрадь следующему…

Тогда у нас у всех появится призрачная, как отблеск Истины, Надежда.